Иван Данилов

Брестская Уния

УДК 271.4-9(476)
ББК 86.37(4Беи)
Д18

Данилов, И.П.

Д18 Брестская Уния / Иван Данилов. – Минск, 2021. – 80 с.

Брестская Уния – малоизвестная и малоисследованная страница нашей истории. Решение ряда епископов о принятии католического вероучения и переходе в подчинение римскому папе с одновременным сохранением богослужения византийской литургической традиции привело к появлению униатской церкви, которая на продолжении нескольких веков была доминирующей религией в Великом княжестве Литовском.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 271.4-9(476)
ББК 86.37(4Беи)

Не всем известно, что на территории нынешней Беларуси и правобережной Украины доминирующей религией в средние века было униатство. В мои молодые годы еще приходилось сталкиваться с проблемой конфессиональной принадлежности, от которой зависела профессиональная карьера и возможности получения среднего и высшего образования в довоенной Польше. Так, например, мне было предложено в 1938 г. перейти из православия в униатство, чтобы получить государственную поддержку для учебы в Виленской электротехнической гимназии. Ранее в любом документе графа национальной принадлежности отсутствовала, ее заменяла графа конфессиональной принадлежности. На тему унии часто доводилось слушать разговоры стариков, которые помнили из рассказов своих отцов и дедов, как при царе закрывались униатские церкви и как потом приезжие из центральной России попы «освящали» их в православные. Нам, школьникам, интересно было узнать у старых людей, чем отличались униатские церкви от православных? Эти отличия, как я запомнил, были минимальными и касались только расположения иконостаса и некоторых деталей самой церковной службы с упоминанием верховенства Папы Римского.

Историческая справка: В XV в. происходит кризис Константинопольского патриархата, формальной частью которого была Киевская митрополия, пишет Д.Ю. Степенов. В 1439 г. византийский император Иоанн XVIII утвердил решение Флорентийского собора, объединившего под властью Папы Римского все восточные церкви (кроме московской, грузинской и некоторых других). Несмотря на то, что в 1470 г. Флорентийская уния была фактически денонсирована со стороны восточных церквей, тем не менее, это сильно отразилось на их взаимоотношениях, а также стало воплощением идеи унии как таковой. Взятие Константинополя турками в 1453 г. также сильно ослабило позиции Вселенского патриархата. С другой стороны, Московская митрополия (с 1589 г. – патриархат) не поддерживала активных отношений с православными Речи Посполитой и придерживалась изоляционистской политики. Все это ослабляло позиции Киевской митрополии. В этих условиях уже начиная с XV в. наблюдается про-

цесс прозелитской деятельности католической церкви, направленной на обращение православных. Прозелитской деятельности католиков способствовала политика польских властей, желавших сплотить поликонфессиональное общество страны. Во многом это достигалось за счет того, что католическая аристократия и духовенство были более образованными и имели более высокий статус, чем православные.

Униатская, или Греко-Католическая церковь, представляет собой своего рода экуменический союз двух христианских религий: православной и католической, которые с давних времен существовали вместе на землях Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Так совпало, что во второй половине XVI века в жизни нашего древнего государства произошли два важных события – две знаменитые унии: политическая Люблинская и конфессиональная Брестская. Но вначале приведем некоторые исторические факты, предшествовавшие указанным событиям. С 1558 г. положение ВКЛ стало угрожающим из-за нападения соседней Московии. Московский царь Иван Грозный решил завоевать Ливонию, входившую в состав ВКЛ. Его армия вторглась на земли ВКЛ и захватила Полоцк. Польша предложила Литве свою помощь при условии объединения двух государств и создания единой Речи Посполитой. Крупные литовские вельможи были против унии, но они не нашли поддержки со стороны мелкой шляхты и даже некоторых представителей белорусской знати, которая пуще смерти боялась попасть в кіпцюры Ивана Грозного. Уния между обоими государствами была заключена в Люблине в 1569 году.

К этому времени в ВКЛ сложилась своеобразная социально-экономическая картина: жизнь выработала три сословия, причем сословия эти были резко отделены одно от другого. Шляхетство явно находилось под влиянием польских порядков, города выработали своеобразный строй на немецкой основе (Магдебургское право), крестьянство оставалось сильно угнетенным и почти не принимало участия в общественной жизни страны. Доминирующим сословием, определяющим политическую жизнь в государстве, было шляхетство. Общие права, которыми была объединена шляхта разных воеводств, т.е. как чисто

литовских, так и белорусских, сгладили национальное ее различие. Но, как пишут М.В. Довнар-Ямпольский и Д.З. Шендрик («Россия», том IX, 1905 г., С. Петербург), этим вовсе не было удовлетворено то противоречие, которое создавалось в государстве двумя религиями. Религиозный вопрос пока не возникал вследствие индифферентизма в делах религии правительства и общества. Но он не был ничем устранен, улажен и мог всегда возникнуть. А религиозные распри в те времена всегда принимали очень острый характер. Впрочем, не только в те времена. Наглядный пример распада Югославии по признаку религиозной принадлежности ее народов подтверждает это правило.

Мартин Лютер

Причиною, которая обострила религиозные отношения, было реформационное движение, охватившее Польшу и Литву. Оно проникло сюда из соседней Германии. Первым распространителем нового учения явился придворный проповедник королевы Боны, жены короля и великого князя Сигизмунда Старого, итальянец Франциск Липпомани. Указанные выше авторы пишут: «Учение Лютера и Кальвина очень быстро нашло многих сторонников, как в Польше, так и в Лит-

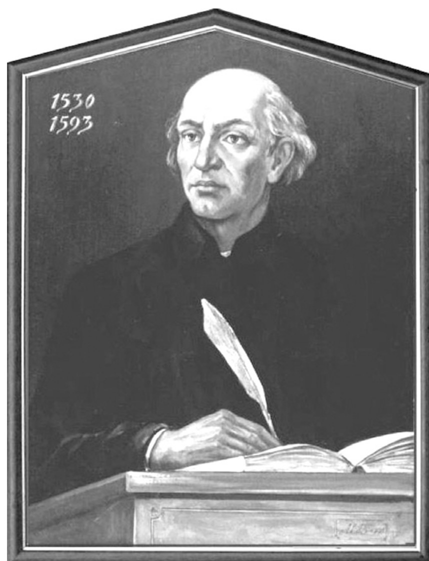
ве. Доктор богословия литвин Авраам Кульва своими проповедями увлек виленское городское население. Великие князья Сигизмунд I и Сигизмунд-Август не ставили никаких препятствий распространению новых учений. Вожди протестантизма – Лютер и Кальвин – даже посвящали им свои сочинения и считали их своими покровителями. Католическая церковь, как в Польше, так и в Литве не могла оказать сопротивления новым учениям: она имела слабых представителей, слишком преданных светской деятельности, а иногда даже втайне склонных к новым учениям; многие каноники сбросили свои рясы, поженились, стали в ряды протестантских проповедников и явились умелыми обличителями католического духовенства. Учение Лютера распространилось во всех областях преимущественно в городском классе, шляхта же предпочитала учение Кальвина. В половине XVI века протестантизм в ВКЛ получил столь широкое распространение, что современники считали шляхту поголовно протестантской, за исключением самой мелкой, мало чем отличающейся по своему культурному уровню от крестьянства. Новое учение нашло сильных покровителей в лице крупных магнатов. Особенно своим покровительством кальвинизму выделялась фамилия Радзивиллов и родственная им Кишек. Николай Радзивилл Черный, великий маршал литовский и канцлер, познакомился с учением Кальвина еще в бытность свою заграницей. В 1553 г. он открыто оставил католицизм и стал собирать вокруг себя знаменитейших проповедников кальвинизма. В своем городе Несвиже он завел типографию, в которой были отпечатаны катехизис, библия и много других книг. Переводчика-

Николай Радзивилл Черный

ми их и редакторами явились Симеон Будный (говорят, что он прежде был православным священником), Матвей Кавечинский и др. Правда, по смерти князя Николая Радзивилла (1565 г.) сыновья его снова перешли в католицизм, но кальвинисты нашли себе покровителя в Н.Ю. Радзивилле (Рыжий)».

Казалось, что протестантизм сглаживает религиозные противоречия между православием и католицизмом и унифицирует конфессиональный состав населения ВКЛ. Но почему же он не прижился, как в соседней Германии и Швеции? Оказывается, он имел свои слабые стороны. Кроме учения Лютера и Кальвина, большое распространение в Польше и в Литве получило т. н. социнианство или антитринитарианизм. Итальянец Лелий Социн отвергал троичность Божества, отчего его последователи назывались еще унитариями. Гонимый на родине, Л. Социн явился в 1555 г. в Краков и быстро распространил свое учение. Отсюда оно проникло в «русские» (ранее преимущественно православные) области Литвы. Кальвинизм понес поражение и стал уступать место социнианству. Многие видные проповедники кальвинизма, в том числе С. Будный и др., приняли учение Социна. Большим подкреплением для нового учения было появление в Витебской области, а потом и в Вильне в 1554 г. еретика, бежавшего из Москвы, Феодосия Косого с его сотоварищами, т. к. он, подобно Социну (но независимо от него), высказывался также против троичности Божества. Указанные выше авторы отмечают: «Фамилия Кишек и Олесницких приняла под свое покровительство унитариев. Появились типографии, где и печатались книги в духе нового учения, например, в Заславле

Симеон Будный

Минского уезда, в г. Любча Новогрудского уезда. Полоцкий шляхтич Василий Тяпинский перевел на белорусское наречие (язык) библию и напечатал ее в своей типографии. Расцвет протестантизма в Польше и ВКЛ, казалось, готов был поглотить и православие, и католичество. Почему этого не произошло? Прежде всего, протестантизм в ВКЛ, как и в Польше, распространялся в среде шляхетства и в городских классах. Крестьянство было слишком забито, чтобы паны и проповедники обратили на него должное внимание. В этом уже заключалась слабость нового учения». С таким заключением указанных выше авторов трудно согласиться. Скорее, причиной является не слабость нового учения, которое прочно внедрилось во многих западных странах, а политическая близорукость тогдашней польской, белорусской, украинской и литовской шляхты, которая не следовала примеру своих западных соседей в системе проведения экономических реформ. История наглядно подтвердила, что все нынешние протестантские страны Европы имеют наиболее высокие экономические показатели. Но следует признать справедливым замечание тех же авторов, что «была и еще одна сторона, даже более важная: протестантизм разбивался на множество сект. Кроме широко распространенных учений Лютера, Кальвина и Социна современники насчитывали до 70 и даже до 80 различных сект. Последователи различных учений спорили между собой, переходили из одного в другое и всем этим сильно дискредитировали свое учение в глазах более индифферентной части общества. Неудивительно поэтому, что протестантизм стал также быстро падать, как раньше рос. С начала второй половины XVI века в самой Польше замечается значительное охлаждение к новым учениям. Общество устало в религиозной борьбе. С другой стороны, католическое духовенство обогатилось приливом новых сил, более образованных и деятельных. Во главе реакционного движения стал умный и осторожный дипломат, энтузиаст в деле католицизма, папский нунций Коммендоне. Он быстро успел поднять престиж католицизма и разъединить протестантов. Новые веяния сейчас же отразились в литовских и «русских» землях. Началось обратное движение; сторонники стали

оставлять сектантство и переходить в католичество. Поборники его пошли еще дальше и на помощь себе призвали орден иезуитов, прославившийся уже тогда борьбою с иноверием.

Впервые иезуиты появились в Вильне, куда их пригласил бискуп Валериан Протасевич в 1569 г. Они показали себя умелыми проповедниками, быстро проникли в дома магнатов в качестве духовников и домашних наставников. Потом они захватили в свои руки школы, что имело особо важное значение. Сравнительно с существующими училищами, католическими и православными, иезуитские коллегиумы были хорошо поставлены. Виленский коллегиум, позже академия, привлекал массу учащихся. Вскоре (1580–84 гг.) появились коллегиумы в Полоцке, Смоленске, Несвиже, Мстиславле, а в начале XVII в. такие же школы-коллегиумы открылись в Витебске, Минске и Орше. При посредстве своих школ и проповедничества иезуиты успели обратить в католичество прежних диссиденствующих магнатов и многих из православных вельмож. Высшая родовитая шляхта становилась поголовно католической: знатнейшие представители православных фамилий перешли также в католичество, как например князья Слуцкие, Острожские, Пронские, Масальские, Горские, Соколинские, Лукомские, Пузыны, Глебовичи, Кишки, Сапеги, Воловичи, Тышкевичи, Дорогостайские, Корсаки и многие другие. Белорусские области ВКЛ покрылись кляшторами и костелами. Обновленный иезуитами католицизм нашел в старинном белорусском шляхетстве своих ревностных сторонников. Довнар-Запольский пишет, что своим успехом католическая церковь в значительной мере обязана Стефану Баторию, который стал королем польско-литовского государства как раз в такой момент, когда оно было разъедаемо религиозной борьбой. Сам король относился к религии совершенно индифферентно, но он понимал, что для политической крепости государства необходимо водворить в нем религиозное единение. Перед его избранием у части православной шляхты определенной симпатией пользовался московский царь Иван Грозный, который также предлагал себя в качестве короля Речи Посполитой и обещал сохранить в этом государстве все шляхетские

вольности. Эти обещания звучали немного странно на фоне известных его жестокостей по отношению к своим боярам. Обширная переписка Ивана Грозного с польскими и литовскими магнатами по вопросу избрания его королем Польши подробно представлена в 6-м томе сочинений Сергея Михайловича Соловьева. Там читатель с интересом прочтет строки о том, как Иван Грозный лицемерно «объяснял» польским вольнодумцам, почему он иногда «карает своих бояр-изменников». Поостереглись тогда поляки и литвины избрать московского царя своим королем и предпочтение отдали венгерскому князю Стефану Баторию, который до конца своей жизни так и не выучил польский язык, но оказался самым удачным королем в истории Польши. У его преемника Сигизмунда III не оказалось таких обширных государственных планов, но он был ревностный католик, воспитанный иезуитами.

Стефан Баторий

Иван Грозный

При нем был осуществлен выработанный иезуитами план, главным поборником которого стал знаменитый ректор Виленской иезуитской академии Петр Скарга. Этот план заключался в создании моста, соединяющего греческую церковь с римской с помощью Унии обеих

церквей. Мысль об Унии не была новой на землях ВКЛ. Со времен известного Флорентийского собора эта идея стала находить сочувствие даже среди православных иерархов, не говоря о том, что для католического духовенства она была всегда желанной мечтой. Но теперь, благодаря активности иезуитов и сочинениям Петра Скарги, она была основательно развита и получила широкое распространение. Идея унии находила поддержку как среди православного духовенства, так и среди светских лиц. Даже знаменитый патрон православия князь Константин Острожский был склонен к унии, хотя и представлял ее себе иначе сравнительно с тем, как она была осуществлена. Вполне достойные приверженцы православия готовы были видеть в унии обновление церкви. Главными деятелями унии явились епископ Луцкий Кирилл Терлецкий и епископ Владимирский Ипатий Поцей. К ним примкнули и некоторые другие, в том числе и сам митрополит Михаил Рагоза.

Константин Острожский

Ректор Виленской иезуитской академии Петр Скарга

Летом 1595 года Поцей и Терлецкий подписали вместе с другими обращение к Папе о введении унии, отправились в качестве представителей всей церкви в Рим и здесь получили благословение римского престола. Король Сигизмунд III, давно мечтавший об унии и участвовавший вместе со Скаргою в ее подготовке, своим декретом объявил о совершившемся соединении церквей и взял подписавших унию епископов под свое личное покровительство. Не доставало только соборного утверждения. Такой собор состоялся в октябре 1596 года в Бресте, и уния была официально провозглашена. Произошло важное событие – экуменический союз двух основных христианских религий, существовавших вместе на землях ВКЛ. Поэтому повторим, что во второй половине XVI века в жизни нашего древнего государства произошло два важных события, две знаменитые унии: политическая Люблинская и конфессиональная Брестская.

После разделов Польши земли ВКЛ (Беларуси) отошли к России, в которой в то время усиливалось крепостное право и экономическое

развитие которой находилось в весьма неудовлетворительном состоянии. Что же касается форм общественной жизни, то по утверждениям указанных выше авторов, они в России были во всех отношениях «ниже польских и литовских». Екатерина II поощряла переход униатов в православие и приняла ряд мер, целью которых было слияние «западно-русского» (белорусского) населения с Россией. Формально Екатерина II заботилась о неприкосновенности Униатской церкви для того, чтобы задержать ее слияние с католической. Местное же православное духовенство выражало нетерпение и стремилось в принудительном порядке к захвату униатских церквей и превращению их в православные. В короткий период, пишут указанные выше авторы, «по некоторым исчислениям, присоединено было к православию до трех миллионов униатов».

Екатерина II

Совсем иное отношение к Западному краю было у императоров Павла и Александра I. Поддаваясь личным симпатиям и уважению к польской культуре, оба императора сделали ряд уступок польскому влиянию. Те же российские историки пишут, что «представители власти усвоили себе в то время взгляд на Белоруссию, как на польский край. Император Павел весьма сожалел об участи поляков и отно-

сился с большим уважением к Костюшке; к нему нашло даже доступ католическое влияние. В силу всего этого он отступил от политики своей матери в Беларуси и дал перевес польским влияниям в крае. Он ограничил деятельность православных иерархов по обращению униатов в православие и подчинил униатскую церковь в отношении церковного управления латинской (католической). Этими мерами он косвенно способствовал переходу униатов в католичество. При Павле же была проведена и одна очень полезная мера – восстановлено действие Литовского Статута». Отметим, что в правовом отношении Литовский Статут был более прогрессивным по сравнению с российским кодексом.

Адам Чарторыйский

Тадеуш Костюшко

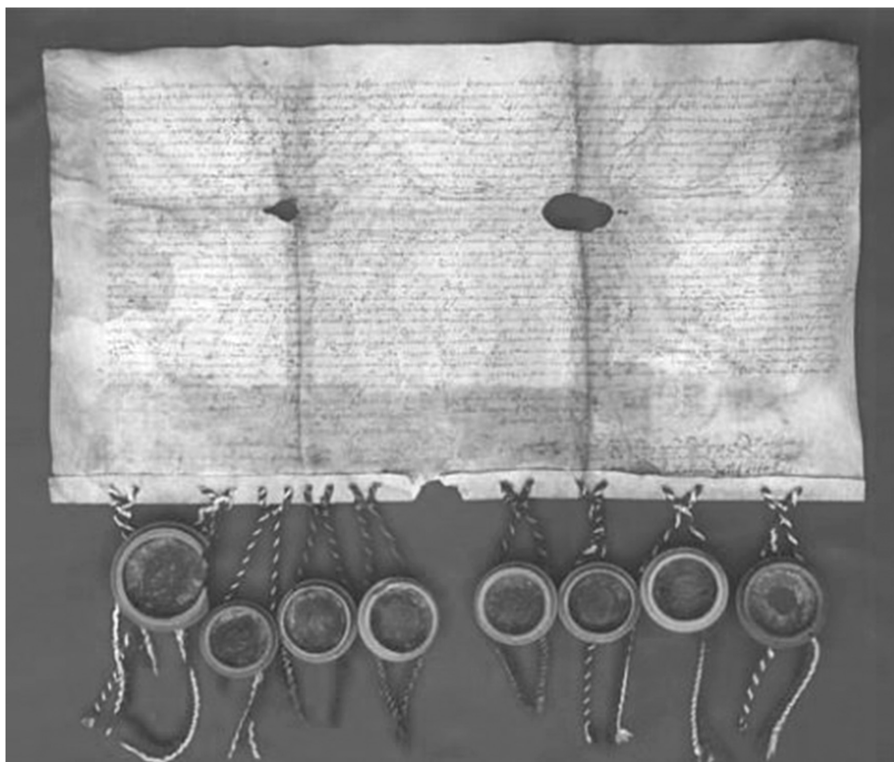
Такую же политику в отношении Беларуси проводил Александр I, который испытывал горячие симпатии к ВКЛ и Польше. Друг его юности князь Адам Чарторыйский – искренний польский патриот – ратовал за восстановление Польши в прежних пределах, т. е. с присоединением ВКЛ. Под его мощным покровительством возрождалось влияние польской культуры на весь Северо-западный край. Сам Александр I добился на Венском конгрессе восстановления Польши в ее этногра-

фических границах и дал ей широкую конституцию. Жаль только, что по каким-то внутрироссийским причинам он не сумел продвинуть и распространить польские демократические принципы на всю Россию.

Окончательный разгром униатской церкви наступил при императоре Николае I. Уже с самого начала своего царствования он принял план постепенного слияния униатов с православием. Польское восстание 1831 года только укрепило его в этом решении, так как многие униаты встали на сторону восставших. Активное участие в восстании приняла белорусская молодежь. Так, все ученики Полоцкого коллегиума, которым руководили монахи базилианского униатского ордена, вступили в отряды повстанцев. Подобная картина борьбы с царским правительством наблюдалась и в других местах на территории бывшего ВКЛ. После подавления восстания возникла идея обрусения края, тогда еще очень неясная. Правительство смущал широкий расцвет местной школы, находившейся в руках католиков и униатов. Отсталая и деспотичная Россия и ее чиновники ничего умного придумать не смогли и решили уменьшить число училищ, без замены их, однако, русскими. И к 1834 г. число таких училищ в крае сократилось наполовину. Далее последовало закрытие многих католических и униатских монастырей и церквей: в 1832 году был упразднен 191 монастырь из 303. В делопроизводство края вводился русский язык и российские учреждения и, наконец, был отменен знаменитый Литовский Статут. Укреплялся российский крепостнический строй.

Влияние российской отсталой культуры на развитие общества особенно рельефно выявилось на примере разделенной ранее на три части Польши. После получения независимости самой бедной и заброшенной оказалась та часть Польши, которая некогда входила в состав Российской империи. На польских землях, отошедших после разделов к Австрии и Пруссии, крестьяне не знали крепостного права и были несравненно более зажиточными по сравнению с теми, которые проживали на территории т. н. польских «Восточных Крессов». Даже после отмены крепостного права в России длительное время сохранялось общинное землепользование и нищее крестьянство. Мне

довелось быть свидетелем такого вида землепользования, и я описал его на примере своей деревни в моей первой книге «Записки западного белоруса».

Брестская церковная уния

Но вернемся еще раз к истории Брестской унии. Российские историки Довнар-Запольский и Шендрик пишут: «Акт унии является величайшим поражением, которое было нанесено не только Православной религии, но и российскому влиянию в Польско-Литовском государстве. Как бы сильны ни были личные мотивы, руководившие творцами унии, все же она являлась слишком сильным актом, имела слишком серьезные последствия для того, чтобы можно было все дело объяснить только личными соображениями нескольких иерархов.

В действительности уния была вторым таким поражением, так как первое нанесено было церкви быстро расцветшим протестантизмом, а затем обновленным католицизмом. Действительно, на это были серьезные причины, коренившиеся в самой Православной церкви; их было две, и заключались они, во-первых, в зависимом положении церкви по отношению к светской власти и, во-вторых – в глубоком падении ее представителей и служителей». Далее эти авторы отмечают, что в ВКЛ выработалась традиция, в соответствии с которой церковные структуры находились под покровительством светских лиц или целых учреждений, например городских общин. Любой шляхтич мог испросить себе право патроната над устраиваемой церковью или монастырем. Великий князь литовский был патроном всех епархий, множества монастырей и отдельных церквей. Отсюда очень понятно, что назначение на церковные места в значительной мере определялось волеизъявлением патрона. К тому же и великий князь, который был католиком, и паны, переходящие в протестантизм или в католицизм, теряли всякое уважение к патронируемым ими православным учреждениям. Поэтому главами епархий, монастырей, настоятелями церквей становились лица, снискавшие милость господаря или пана угодничеством или какими-нибудь светскими заслугами. На церковные места стали смотреть как на «хлеб духовный», т. е. как на доходную должность. Поэтому на места игуменов и епископов назначали людей светских, часто весьма необразованных.

Указанные выше историки пишут: «Эти черты уже с достаточной ясностью свидетельствуют о глубоком падении церкви (Православной). Памятники того времени переполнены свидетельствами, удостоверяющими, что отсутствие образования, безнравственность и грубость господствовали в среде низшего и высшего духовенства. «Великое грубианство и недбалость» священников и низшего духовенства сделались обычным явлением. К этому надо прибавить их необразованность, почти безграмотность. Даже духовный собор 1509 г. жаловался на то, что попы – «безчинники» – держат у себя наложниц, утаивают перед посвящением тяжкие грехи и т. п. Знаменитый униат-

ский епископ Игнатий Поцей бросает упрек православному духовенству, что оно состоит из клятвопреступников, двоеженцев, сутяжников, убийц и пр. Протестант Василий Тяпинский жалуется, что вера в современном ему обществе совершенно угасает, что духовенство не получает никакого образования и даже не понимает славянского языка, на котором написаны священные книги». Неудивительно поэтому, что протестантизм, а потом и униатство получили столь широкое распространение на землях ВКЛ. Прошло более 400 лет с тех времен, современная РПЦ стала более просвещенной, но она все также пребывает под «патронажем» власть предержащих.

Нельзя согласиться с утверждением указанных авторов, что уния «нанесла поражение русской (белорусской) национальности в ВКЛ, что белорусский шляхтич-католик с религией перенимал польский язык, польские обычаи и порывал всякую связь с родною национальностью». Эти авторы сетуют, что прозелиты католицизма стали гонителями православия, а паны, дескать, «насильно» заставляли своих крестьян и мещан переходить в унию и потом называли эту религию «мужицкой». Всем нам известно другое: что принудительная ликвидация унии царскими властями на территории современной Беларуси после разделов Польско-Литовского государства стала причиной тотальной русификации и утраты белорусами своей самобытности. С другой стороны, также известно, что Униатская церковь украинской Галиции, которая ранее входила в состав Австро-Венгрии, не подвергалась преследованию и помогла украинскому народу сохранить его духовные ценности. Впрочем, и в Беларуси униаты и католики находились в первых рядах борьбы за национальную свободу и возрождение белорусского языка и культуры. Кастусь Калиновский, Франциск Богушевич, Винцент Дунин-Марцинкевич, Янка Купала, и многие другие видные представители белорусского народа вовсе не были православными. Католик Франциск Скорина подарил белорусам первую в их истории библию на родном языке.

В качестве примера как происходила т.н. конфессиональная «революция» в IXX веке уместно привести исторические документы о

религиозной жизни населения двух местечек: Порозова и Нового Двора Гродненской области, в которых мне довелось работать после окончания медицинского института. Историк Алесь Смалянчук в сборнике Homo Historicus, 2008 г., пишет, что в 1837 г. в Новом Дворе проживало 714 чел, в том числе 49 евреев, два отставных офицера и два униатских священника. Местечко было в основном униатским. Следующие сведения об этом местечке относятся к 1857 г. После т.н. Полоцкого собора царские власти начали принудительный перевод населения в православие. Дабы избежать наказания, один из униатских священников поддержал решение Полоцкого собора и рекомендовал своим прихожанам перейти в православие. Новых прозелитов именовали новоправославными, но они православной «благонадежностью» не отличались. При Александре II на землях ВКЛ распространились слухи о конфессиональной свободе, и возникло движение за возрождение униатства и легализации тайных униатских собраний. В м. Порозово в 1857 г. 100 человек заявили о своей верности униатству. Царские власти отреагировали немедленно. В Порозово прибыл отряд военных карателей, который подверг мещан-униатов физической каре. Их секли розгами до «полного возвращения в лоно Русской православной церкви». Соседи из Нового Двора должны были извлечь урок из того, что происходило в Порозово. К тому же, у них был опыт карательных акций и построже – в период подавления инсургентов в 1831 г.

В сочинениях многих российских историков можно найти утверждения, что отход от православия означает отход от «русской» национальности. Это типичный пример имперского мышления. Для любого белоруса польский язык понятен в такой же степени, как и русский. Поэтому обвинять белорусского шляхтича, перешедшего в католицизм или униатство в том, что он в этом случае подвергается полонизации и теряет свою национальность, это тот же имперский предрассудок. Упомянутые нами выше видные деятели белорусской культуры – это потомки тех же белорусских шляхтичей, которые некогда перешли в католицизм или униатство, но это не помешало им и их преемникам сохранить свою национальность и прославить бело-

русский язык. И, наоборот, белорусский шляхтич, оставшись в православии, подвергался русификации и часто терял свою национальную самобытность. А сама РПЦ московского патриархата тогда и теперь является активной поборницей русификации. Не зря в Украине возникло движение в поддержку автокефальной православной церкви.

Музей-усадьба Тадеуша Костюшко

Что же касается самой Московии, то мы можем сослаться на данные, приведенные в указанной выше книге «Россия», где сказано: «История Северо-Восточной Руси, начавшаяся смешением русского элемента с финскими и тюркскими инородцами, продолженная особым положением княжеской власти в древний период при Андрее Боголюбском и его преемниках, сопровождавшаяся далее тяжелым напряжением для защиты границ, уложилась таким образом, что здесь многие основные начала древне-русской культуры подверглись искажениям, забвению, – вообще на Московской почве выросло совсем новое и своеобразное государство и общество. …Навязывая Москве органическую, несколько более широкую, чем было в действительности, связь с древне-русским прошлым, мы привыкли считать отступление от московского порядка отступлением от русского народного. Это не более как предрассудок, исторически поддерживаемый поли-

тической ролью Москвы». Что ж, лучше и точнее не скажешь. Поэтому утверждение некоторых российских историков и политиков об этнической связи России, Украины и Беларуси лишено всякого исторического основания. И закарпатские русины, сепаратизм которых поддерживает Москва, не имеют к ней никакого отношения. Можно лишь говорить об этнической связи Беларуси и Смоленщины, некогда восточной окраины ВКЛ.

В нашем Дрогичинском районе после Первой мировой войны каким-то чудом сохранились три униатские церкви, а потом добавилась четвертая. Большинство же известных мне церквей в соседних деревнях были православными, хотя мы все знали из рассказов стариков, что, например, наша церковь в Винче и в соседней деревни Липники были некогда униатскими. Липникская церковь изначально строилась как униатская с иконостасом, расположенным на северо-западной стороне. Наша церковь в Винче в каталоге рисунков Наполеона Орды обозначена как древний костел XV века. Польские власти не спешили возвратить указанным церквям их прежний греко-католический статус, но поощряли униатство. Униатские священники в отличие от православных были более образованными. Мне запомнился один эпизод, который получил широкую огласку. Православный батюшка за обряд похорон потребовал у бедного крестьянина из соседнего липникского прихода сумму, которую тот не мог внести. Униатский священник совершил этот обряд бесплатно.

После воссоединения Западной Беларуси и Украины в 1939 г. униатские священники подверглись преследованию в первую очередь. Так как униатских церквей было много на территории Западной Украины (Галиции), то чекистский террор, направленный, в том числе, и против униатов, ускорил формирование подпольных отрядов ОУН, в которых, как мне известно, все же преобладал православный элемент.

Бедственное положение Униатской церкви в СССР мы показываем на примере записок униатского священника – узника Соловецких лагерей.

Записки униатского священника Доната Новицкого.

Наибольший урон униатству или Греко-католической церкви был нанесен в 1863–1869 годы после подавления антироссийского восстания на землях Польши и Литвы (Беларуси). Вспомним фразу царского сановника Муравьева «Вешателя», сказанную им в те годы в Вильне: «Чего не успел сделать русский солдат, довершит русский поп». И, действительно, выступление православного духовенства против Униатской церкви носило (и теперь носит) агрессивный характер. Мне это довелось наблюдать в 1992 году на Украине в г. Ужгороде, когда группа православных священников подбивала толпу прихожан к захвату униатской церкви, которую пришлось охранять милиции.

Униатская или Греко-католическая церковь лучше всего сохранилась на землях Западной Украины (Галиции), некогда принадлежавшей Австро-Венгрии, на территории которой эта церковь не подвергалась преследованию. После вхождения Западной Беларуси и Украины в состав СССР униатские священники и их прихожане подверглись арестам и другим видам притеснения в первую очередь. Этот необдуманный и неоправданный чекистский террор ускорил формирование подпольных отрядов ОУН – УПА.

Комплекс униатского храма в д. Боруны Ошмянского района

В нашем Дрогичинском районе после Первой мировой войны сохранились три униатские церкви. Наибольшую известность получила общественно-религиозная деятельность униатского священника Доната Новицкого из деревни Торокань, который сумел сформировать большую группу сельской молодежи и организовать ей учебу в ремесленных школах Варшавы, Хелмно и Люблина при католических монастырях. А вокруг было много православных церквей и монастырей, которые не предприняли никаких мер, чтобы организовать нечто подобное, т. е. такие же ремесленные школы для православной молодежи. Православная церковь в Польше не притеснялась. Ее доходы от арендной платы за церковную землю и оказание ритуальных услуг были не меньшими по сравнению с Католической или Униатской церквями. Но благотворительная деятельность православной церкви оставалась незаметной.

В своей книге «История не из учебника» (2012) нами отмечено, что Д. Новицкий прибыл в Польшу из СССР прямо из Соловецких лагерей. Он хорошо знал повадки большевиков. Поэтому в грозные дни сентября 1939 года он предпочел уехать в Польшу (точнее, в немецкую оккупационную зону). И правильно поступил. Советы не простили бы ему его просветительскую и благотворительную деятельность, и он снова оказался бы в советском ГУЛАГе (на сей раз – до конца своих дней). О том, как он там оказался (в Соловецком лагере) и другие подробности его жизни читатель узнает из воспоминаний самого Доната Новицкого.

Свобода. Благодаря обмену узниками 15 сентября 1932 года Новицкий оказался в Польше вместе с женой, сестрой Антониной и двумя ее детьми. Обмен состоялся стараниями родственницы его жены, Адольфины Буффал, и Екатерины Павловны Пешковой. Новицкий продолжил служение униатского священника в Польше, во время Второй мировой войны вел конспиративную деятельность, за что был награжден в Лондоне польскими властями. Обратите внимание, что в освобождении Д. Новицкого принимала участие жена Максима Горького Екатерина Пешкова. Надо полагать, что ее участие было

наиболее значимым. Однако следует учесть тот момент, что сам факт обмена узниками состоялся на фоне потепления политических отношений между СССР и Польшей. В июле 1932 года между этими государствами был заключен Пакт о ненападении, в одном из пунктов которого значилось: «Советский Союз передаст Польской стороне 40 человек арестованных католических священников в обмен на такое же количество заключенных польских тюрем активистов КПЗБ и КПЗУ».

Соловецкий монастырь

Бывшие ученики Доната Новицкого из Торокани и других окрестных сел вспоминают, что в довоенные польские времена в личной его библиотеке были советские книги: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Мать» М. Горького и др. Героиня повести «Полесская семейная хроника» из указанной выше книги Н.С. Олешко вспоминала, что даже о коммунизме священник Новицкий в личной беседе с ними отзывался положительно, но не о коммунизме советского образца. Такова была загадочная и в то же время интересная личность этого человека. Свои воспоминания он начинает сразу с описания трудных лагерных условий быта и возможности совершения святой обедни.

Воспоминания О. Доната Новицкого

Первые мысли о совершении св. обедни в Соловецком лагере зародились в сердцах четырех членов московского прихода русских католиков: о. Александрова, затем сестры-доминиканки восточного обряда Имельды (Анны) Серебренниковой, Тамары Сапожниковой и Владимира Балашева. Арестованные в июле 1923 г. по «делу» восточных католиков, они были высланы в начале июня 1924 г. на Соловки. Побыв 1-2 недели на Поповом острове (конечный пункт на материке, в 60 км от Соловков), они прибыли на Центральный Соловецкий остров. В то время их считали политическими заключенными, членами монархической (!) партии, к которой никто никогда не принадлежал. Не желая оставить их на Центральном острове, где было много заключенных, ГПУ распорядилось по возможности изолировать их. С этой целью их отправили на остров Анзер, где они пробыли всего один день, т.к. начальник этого острова нашел нежелательным их пребывание в своем пункте. Были они короткое время на знаменитой горе Секирной, находящейся на Центральном острове, и в конце концов администрация приказала отправить их на остров Конд...

После 8-10 месяцев пребывания на Конде летом 1925 г. они были переведены снова на Центральный остров и с этого времени их трактовали уже не как политических, а как каэров (к.-р. – контрреволюционер). Все они были определены на принудительные работы. Мужчины жили в Кремле (Соловецкая крепость), а женщины – вне Кремля, в т.н. женбараке.

Совершать богослужения не было возможности по той простой причине, что жили они вместе с прочими заключенными. В Кремле помещалось много православного духовенства, епископов (около 20 человек) и священников (100-110 человек). Все они пользовались разрешением соловецкой администрации посещать православную кладбищенскую церковь, находящуюся непосредственно за Кремлем; это был единственный храм, в котором имели право молиться вольные соловецкие монахи. Решили и наши католики обратиться за подоб-

ным разрешением. Осенью о. Александров посетил начальника административной части Васькова и просил его об этом. Он дал принципиальное согласие. Но возник вопрос, где же католики будут совершать богослужения. О. Александров просил предоставить в распоряжение его группы одну из соловецких часовен. Их имелось несколько и вокруг Кремля, и поодаль, в 2,5-3 км. Часовни, расположенные вокруг Кремля, все были заняты под учреждения, квартиры и мастерские. Часовня около порохового склада (0,5 км от Кремля) требовала ремонта. Просить разрешения воспользоваться далекими часовнями не решались, считая это слишком смелым. Начальник Васьков рекомендовал поговорить с вольными соловецкими монахами как с хозяевами кладбищенской церкви и просить у них разрешения совершать богослужения в притворе храма. Но это было неприятно для католиков. Все же, насколько я помню, о. Александров вел подобные переговоры с монахом о. Агапитом, симпатичным в высшей степени человеком, настоятелем храма, и он, представив эту просьбу своим братьям (в то время на Соловках было 63 монаха), принес отрицательный ответ. С болью в сердце пришлось отложить мечты до появления благоприятной возможности.

В декабре 1925 г. было решено с помощью Божьей снова предпринять шаги. Молились по этому поводу и обдумывали всякие планы и наши сестры, две вышеупомянутые и две, прибывшие со мной из Орловского изолятора – сестра-доминиканка московской общины Елизавета (Доминика) Вахевич и ленинградская прихожанка Елена Михайловна Нефедьева, старушка лет 60-ти. Не помню, кто именно обратил внимание на то, что подходящим местом для наших богослужений может быть т.н. Германовская часовня. Построена она была на том месте, где по преданию жил и подвизался один из первых основателей соловецких обителей св. Герман. Находится она в 2,5 км от Кремля, у самого моря в лесу. Общее положение часовни живописное. Расположена она довольно близко от шоссе, ведущего из Кремля в Саватьево. О. Николай и я отправились осмотреть эту часовню и нашли, что она вполне подходит для наших целей. Решили еще раз

обратиться к Васькову за разрешением пользоваться именно этой часовней... Следует заметить, что Васьков всегда внимательно и вежливо принимал нас... мы изложили ему еще раз нашу просьбу, вежливо подчеркивая, что просим только того, что имеют уже православные, и указали, что удобным местом и с нашей, и с его точки зрения будет Германовская часовня, как расположенная в некотором удалении от Кремля. Не было границы нашему счастью, когда он дал свое согласие, хотя и добавил, что разрешает посещать эту часовню только по воскресеньям и в большие праздники, причем всякий раз нам придется обращаться к нему за особым разрешением для всей нашей группы, представляя ему для наложения резолюции список с нашими фамилиями. Первое разрешение было выдано на рождественский праздник 1925 г… Но к великому нашему огорчению отслужить святую литургию было невозможно, т.к. у нас не было антимниса, а служить без него мы не решались. Помню, что служили в тот день обедницу. С этих пор каждое воскресенье и в большие праздники посещали мы нашу чудесную часовню. Обыкновенно перед выходом из Кремля все собирались в комнате дежурного по камере стрелка и оттуда, с его отметкой на нашем документе, заранее подписанном Васьковым, направлялись все вместе в часовню. Следует отметить, что по правилам Соловецкого лагеря не разрешалось совместное хождение мужчин и женщин, и мы составляли в этом случае довольно редкое исключение. Ценно было то, что с этого момента наши сестры имели возможность легально и спокойно исповедоваться. Иногда исповеди совершались в самой часовне, а иногда, за недостатком времени и при регулярных еженедельных исповедях, в пути. Тем более, что исповедь соединялась с еженедельным подробным отчетом о состоянии своей души...

С момента получения часовни заветной нашей мечтой было добиться совершения на Соловках святой литургии. В этом случае большую роль сыграла моя жена. В результате переписки с нею нам было сообщено авторитетное объяснение о том, какие привилегии предоставляет нам в этом случае Святейший Отец... Жена прислала нам вина, и сейчас же после открытия навигации в конце мая 1926 г. о.

Николай начал совершение святой литургии. Приблизительно в это время милость Господня распространилась на нас так широко, что мы получили разрешение на ежедневное посещение часовни... Кратко опишу нашу незабываемую часовню. Она имела форму правильной призмы, кажется, восьмиугольной, с простым куполом, покрытым жестью. Радиус часовни 3–3,5 шага. Направо от входа, почти у самой стены – небольшой колодец, которым в свое время пользовались жившие там отцы-отшельники. Колодец этот накрыт был специальной крышкой, которую мы использовали для устройства алтаря. Алтаря в часовне не было. Для совершения проскомидии служил нам подоконник с левой стороны. Над устроенным нами алтарем висело деревянное распятие, сделанное монахами соловецкой обители, старообрядческого стиля. Налево от него был образ Богоматери простого письма, а еще левее – Богоматерь Одигитрия, которую мы перенесли в нашу часовню из соседней (100-150 м от нас), чтобы заполнить пустое место. Икона Одигитрия была немного повреждена, и наша католичка Нефедьева, хорошая художница, восстановила ее. Направо от распятия находился образ св. Иоанна Богослова, а направо от него – образ св. Германа Соловецкого. В часовне было 4 больших окна. Дверь одна, легкая, деревянная. Следовательно, часовня холодная. Сестры содержали ее в образцовом порядке. Уходя в лагерь, мы не запирали ее на замок, а только деревянным засовом, т.к. во-первых, были уверены, что разного рода любопытные срывали бы замки, а во-вторых, не хотели чинить препятствий тем заключенным, которые действительно посещали часовню в свое свободное время и отдыхали в ней душой... Все члены группы ежедневно приступали к св. Причастию. Вначале приход наш был беден облачением и церковной утварью вообще. Было только одно красное облачение. Фиолетовое было прислано из Москвы...

Кроме красного и фиолетового облачения, было еще белое и светло-желтое. Последнее сшили в 1927 г. наши сестры из венчального платья Е.М. Нефедьевой. Белое же облачение, самое красивое, сшил на Соловках в 1928 г. о. Потапий Емельянов.

Наши сестры старались и в лагерных условиях возвещать истину и привлекать души ко Христу. При всяком удобном случае они беседовали на духовные темы с разными женщинами-заключенными. Многим давали духовные книги для чтения на русском и французском языках. Всякий день после обеда, который они кушали все вместе, происходило совместное духовное чтение. На эти чтения и беседы в связи с прочитанным приходили другие женщины – католички и православные.

Летом 1926 г., в июле или августе, прибыл на Соловки почивший потом во время ссылки в Нарымский край о. Леонард Барановский, декан Витебский. Это был первый священник западного обряда на Соловках... Отбыв карантин, он поселился в одной комнате с нами. Вскоре выхлопотал о. Николай и для него разрешение на посещение часовни. Он был очень доволен, но долго не решался начать совершение богослужения... Бывшие в лагере латинские католики часто обращались к о. Леонарду, усерднейшему священнику, человеку вообще с твердыми принципами и бесстрашному защитнику Церкви перед ГПУ, с просьбой начать совершение месс. Но добрый о. Леонард долго думал, пока, наконец, решился...

Невзирая на плохую холодную погоду, на глубокие снежные заносы, на продолжительную северную ночь и другие затруднения, о. Николай Александров, восточные сестры-доминиканки и двое восточных католиков-мужчин ежедневно посещали часовню. В конце 1926 г. в этой часовне начали совершать обедню приехавшие на Соловки священники латинского обряда. В воскресенье совершалась торжественная «сумма» с пением и проповедью, причем одно воскресенье – в латинском обряде, другое – в греко-славянском. Посещала часовню и группа латинских католиков-мирян, но разрешали это весьма ограниченному числу лиц...

Большие трудности представляло печение облаток. Для нас квашеный хлеб пекли сестры (не в виде отдельных просфорок, а целым хлебцем). О. Леонард не соглашался пользоваться просто пресным хлебом, а хотел, чтобы этот хлеб имел обычную форму облаток, т.к. и

в этом случае боялся нарушения закона. К нашему счастью, нашелся мастер (немец-католик), который сделал прибор для печения облаток. Но прибор этот имел крупный недостаток: стенки пластинок были очень тонкие, и при печении облаток (первые облатки о. Леонард пек вместе со мной) на сильном огне тесто горело, а на слабом работа затягивалась. Пекли на примусе. Помню, что в первый раз за 3-4 часа мы выпекли 10-12 облаток. Благодаря о. Леонарду приход наш заметно вырос. О. Николай выхлопотал разрешение на посещение часовни для ряда других западных католиков... Кроме нашей группы восточных католиков только несколько светских западных католиков получили разрешение на посещение часовни, и только в большие праздники, такие, как Рождество Христово и Святая Пасха, власти разрешали еще нескольким лицам присутствовать на богослужении... Неизменно каждый месяц мы должны были подавать заявление о разрешении пользоваться часовней и получать вино... Сразу все присылаемое нам вино не выдавалось, а только установленная начальником адмчасти порция. Летом 1928 г. оказалось, что сотрудники ИСО выпили 28 бутылок нашего церковного вина, т.е. весь наш запас... В частном разговоре с начальником адмчасти Степановым я посетовал на постигшее нас несчастье. Но его это возмутило, и всех виновных он посадил в карцер на целый месяц...

Большой моральной и духовной поддержкой был наш приход и для тех католиков, которым администрация лагеря не разрешала посещения часовни, т.к. разрешения эти давались только т.н. церковникам, т.е. тем заключенным, «преступления» которых были связаны с участием в церковной жизни. Бывали случаи, когда католики, не посещавшие часовни, обращались к нашим священникам с просьбой помолиться с их интенциями, приступали нелегально к исповеди... время от времени удавалось исповедовать и даже причащать. Были случаи совершения похорон. 26.11.1926 о. Николай в присутствии членов восточного прихода, латинских католиков и православных похоронил, получив на это разрешение начальника адмчасти, одного западного католика, который во время пребывания в лазарете исповедовался.

Фамилия его Иосиф Кржижановский... С соблюдением обряда были похоронены священник Феликс Любчинский и Иоанн Фурх... Если не ошибаюсь, был случай крещения младенца в тайной обстановке...

В июне-июле 1927 г. наша колония порядочно увеличилась. Прибыло много католических священников: 2 восточных – о. Шио Батманишвили, архимандрит грузинской конгрегации Непорочного Зачатия, и о. Потапий Емельянов, приведший в деревнях под Луганском к католичеству несколько тысяч крестьян, – и латинские священники из Ленинграда (отцы Тройго, Иванов, Хомич, Шавдинис, Василевский), с Украины (отцы Ильгин, Буяльский, Федорович, Дунич-Вонсович, Словинский, Любчинский, Кривенчик, Совинский и др.), из Белоруссии (отцы А. Филипп, Савицкий, Жолнерович и др.)

С этих пор литургическая жизнь протекала следующим образом. Некоторые священники стремились во что бы то ни стало совершать св. Жертву ежедневно. Некоторые – несколько раз в неделю. В часовню ежедневно ходило только несколько священников. Во-первых, ежедневное хождение само по себе очень затруднительно. Во-вторых, установился обычай служить св. литургию в наших камерах, тем более, что никого постороннего в них не было. Вставали довольно рано и сразу устанавливали 2-3 алтаря: один на столе, два – на сундуках, поставленных на постелях. Так было в камере N 147 в 4-й роте Кремля. В этой камере помещалось 6-7 отцов. В этой же камере служили те отцы, которые жили в общих камерах, т.е. там, где помещались и не-католики. В камере N 140 той же роты, где помещались 4-5 отцов, устраивали 2 алтаря на столах. Здесь служили восточные отцы... В конце 1928 г. нам, католикам, с большим трудом удалось занять и третью камеру, N 143, где помещались 9 наших отцов. И в ней устроили алтарь. В воскресенья и праздники в часовне совершалось значительно больше обеден. В 10-11 часов служили торжественную обедню, в одно воскресенье западную, в другое – восточную, с проповедями на польском или русском языках. На этих обеднях присутствовало довольно много отцов и светские католики. Пел латинский или славянский хор под руководством о. Доминика или моим.

Следует заметить, что Св. Даров в часовне никогда не хранили. Но 02.08.1928, в день францисканского праздника, было устроено по мысли о. Хомича, францисканца-терциария, выставление Св. Даров. Оно продолжалось с раннего утра, часов с 7-ми, и до конца последней обедни, часов до 12-ти дня. Этот день прошел очень торжественно, часовня была убрана лесными цветами и зеленью. Правда, все было очень убого, но величественно и символично...

Проповеди по-польски произносил обычно о. Хомич, которого (без специального назначения) считали настоятелем соловецкого латинского прихода. Русские проповеди произносили о. экзарх, о. Александров и, если память мне не изменяет, тот же о. Хомич. Не произнести проповеди в воскресенье или большой праздник было невозможно: сестры-доминиканки не нашли бы слов для выражения своего огорчения. Иногда совершались тайные исповеди католиков, не имевших права посещать часовню, обычно в те часы, когда, пользуясь перерывом в работе, уходили на прогулки. Вино и облатки неизменно получали в посылках от родственников, друзей и прихожан. Кроме того, тот же немец-католик сделал новый аппаратик для выпекания латинских облаток, и с тех пор мы могли быстро выпекать нормальный хлеб для западных месс. Вскоре после приезда упомянутой большой группы отцов были получены из Ленинграда несколько комплектов облачения, сосуды, миссалы и пр. Прислан был даже походный алтарь. На случай осложнений многие из нас заготовили себе все необходимое для совершения литургии и переписали тексты самой литургии с несколькими изменяемыми частями. Все это в последствии весьма пригодилось. Но все же при большом количестве желающих служить св. обедни и ограниченном времени для этого нам не хватало чаш. Поэтому западные отцы сделали то же, что и восточные в свое время: заказали мастеру – доброму католику – сделать 1-2 маленькие чаши из простого металла. Уже значительно позже о. Версоцкий, прекрасный мастер на все руки, сам сделал чашу из звонка, употребляемого при западном богослужении: удалил язычок, приделал к концу ручки устойчивое основание, покрыл внутреннюю часть звонка оловом – и

получилась превосходная чаша. Порядочно помогла нам в этой экипировке моя жена, которая с риском привезла ее в 1931 г. в тюрьму, когда приезжала на Соловки на свидание со мной...

Некоторые священники старались в дни больших праздников посетить больных. Официально такие посещения не разрешались, и надо было пользоваться нелегальными путями. Некоторые священники, как, например, о. Хомич и о. Александров, старались навещать больных при всяком удобном случае. Особенно ревностны были сестры, которые имели легальный доступ в больницу и постоянно заботились о больных католиках. Облегчала им этот доступ с. Имельда (Анна Серебренникова), которая служила сестрой милосердия...

Общая наша жизнь шла обычным темпом. Работали и молились. Если бы я всегда служил святые обедни, как делал это на Соловках! Мы имели возможность о многом молиться. Помимо общих и личных интенций многие из нас имели платные интенции, это было и существенной материальной поддержкой... Наш образ жизни, довольно умелое пользование всеми возможными на Соловках благами и использование общего и личного положения для блага всей католической группы, западной и восточной, – все это беспокоило ГПУ, которое привыкло видеть придушенных и растерявшихся заключенных, дрожащих за свое настоящее и со страхом думающих о будущем.

Большинство из нас жило, прежде всего, настоящим днем, отдавая будущее в руки Господа Бога. Наше дело – страдать, а если наши страдания можно и нужно будет использовать, это дело Господа и наших старших...

05.11.1928 г. наша часовня была закрыта... Преосвященный Болеслав Слоскан и я отправились в качестве делегатов от католического духовенства к начальнику Соловецкого лагеря и просили открыть часовню. Этого он не разрешил, но сказал, что мы можем совершать богослужения в кремле в наших комнатах, где не было никого постороннего... Произошла как будто незначительная перемена для нас, священников. Но наши сестры-доминиканки и светские католики потеряли сразу очень много. Не могло быть и речи об их присутствии

на наших литургиях. Затруднялась исповедь и причащении их. Но все же и то, и другое нелегально совершалось. С разрешения о. экзарха и о. Болеслава (Слоскана) мы, восточные, приготовляли для сестер св. причастие в отдельных бумажных пакетиках и относили рано утром (в 7 час. 15 мин.) в условленное место. Выходила обычно навстречу старшая сестра Имельда. Вернувшись в свою камеру, она давала каждой сестре пакетик. После соответствующих молитв сестры, не дотрагиваясь руками до св. Агнца, причащались...

Но вот пришло памятное 19.01.1929 г., и мы спустились в катакомбы. В этот день власти сделали тщательный обыск в наших комнатах и забрали все религиозные книги и церковную утварь. Все-таки нам удалось сохранить много книг и предметов, нужных для служения обеден, и только благодаря милости Божией и Его специальной помощи мы совершали святую литургию до последней возможности, до нашего ареста 5-6 июля 1932 г. Пропуски в совершении обедни были крайне редки – в случае недостатка вина или усиленной слежки за нами и опасения потерять богослужебные предметы и вообще открыть секрет. На Центральном острове мы нелегально совершали наши обедни в своих отдельных комнатах, где жили 1-2 человека, в комнатах учреждений. Например, о. Николай Александров служил во время ночного дежурства в комнате, где работали инженеры, и т.п...

Но печально оказалось то, что почти всех наших священников забрали с вещами из этой удобной для нас роты, состоящей из небольших камер, и перевели в общую роту политических и уголовных. Никаких богослужений совершать там не представлялось возможным. Но в прежней роте остались о. Болеслав, о. Шавдинис, я и В. Балашев. Как только мы проводили наших друзей в новую роту и вернулись, епископ торжественно сказал о. Мечиславу и мне: «Отцы, сейчас же совершим святую литургию!». Было около 3 часов ночи. Без всякого страха и колебаний мы разложили на столах святые предметы и вознесли Господу наши моления о помощи в катакомбах и о чудесном сохранении и в будущем всего необходимого для служения св. Жертвы... Прекрасное это было время! Я рад, что был на Соловках...

Отец экзарх сказал памятные слова: «Помните, что наши обедни на Соловках, возможно, единственные в России обедни восточных священников, молящихся за Россию, надо стремиться во что бы то ни стало отслужить хотя бы одну обедню в день»...

Мы, восточные священники, изощряли все наши способности в этом направлении. Лучше всех устроился о. Емельянов. Он был сторожем при музее, устроенном в одном из бывших храмов. К большому удовольствию своих коллег-сторожей, он постоянно дежурил по ночам, т.к. благодаря этому мог спокойно совершать ночью св. литургию в самой церкви. О. Александров, занимавший в управлении пост инженера, старался служить время от времени ночью в учреждении, где днем занимались инженеры. Я некоторое время молился в прежней 4-й роте, но в марте меня перевели в общую роту к моим коллегам и на тяжелые физические работы, и уже крайне редко удавалось совершить св. Тайну.

Помню, два раза я служил на мельнице, два раза в машинном отделении в подвале. Отцы Версоцкий и Иванов совершали обедни рано утром в канцелярии лыжно-мебельной мастерской... О. Хомич время от времени служил в комнатке при дезинфекционной камере, заведующим которой был хороший знакомый о. Хомича, присланный на Соловки за посещение нелегальной семинарии в Ленинграде. Иногда служили в этой комнатке и другие наши отцы. Мы переживали тяжелое время. Помимо тяжелых духовных лишений большим испытанием для нас были материальные условия нашей жизни. Мы жили в постоянном шуме на виду у всех. Читая духовные – т.е. запрещенные – книги, приходилось не забывать, что за нами наблюдают. Необыкновенным мучением для нас были тяжелые физические работы. Особенно неприятной и изнурительной работой было «вридло», как с горькой улыбкой выражались заключенные: временно исполняющий должность лошади. Работа эта заключалась в том, чтобы возить грузы за 7 и 10 км. Но и в этих условиях помимо обычных утешений Господь послал нам специальное. Мы добились разрешения совершить торжественное пасхальное богослужение...

Вскоре после Пасхи наше положение еще более ухудшилось. О. Потапий, о. экзарх, я и несколько других священников были переведены в 137-ю роту, которую нельзя назвать иначе, как кошмарной соловецкой клоакой. В довершение ко всем трудностям, мы не имели права выходить из нее в свободное от работы время...

В июне 1929 г. все мы в течение нескольких дней были собраны в 12-ю роту, тоже общую, и 9 июня все католическое священство кроме меня и светского католика Балашева было выслано на Анзер, один из Соловецких островов. Преосвященный Болеслав был сослан на этот остров еще 29.01.1929, через 10 дней после погромного обыска. Это нужно было расценивать как наказание для него. Правда, ГПУ не решалось направить владыку вместе с нами на тяжелые работы, но, выслав его на Анзер и поместив одного среди светских в глухом углу острова, на командировке Троицкой, власти явно выразили тенденцию наказать владыку за преступления, совершенные им уже на Соловках...

Владыка был на Троицкой сторожем. Двинувшаяся на Анзер группа наших отцов в тот же день прибыла в Ребальду, порт на Центральном острове, откуда ходят лодки на остров Анзер, до порта Кинга. Перебраться на Анзер нашим отцам удалось только 11 июня, т.к. буря мешала переправе. В этот день и я был отправлен на Анзер. Часов в 11 ночи приехали мы на Анзер... Часов в 12 ночи прибыл я в главный пункт острова Анзер и оттуда, как было приказано, сразу же отправился пешком дальше. Пришлось взять в руки по чемодану по 10-15 кг и с этой ношей пройти 5 км. Я был крайне утомлен, т.к. в тот день уже прошел 17 км, не обедал и с 7 час. утра был в движении и некотором нервном напряжении. Но каково было мое удивление и внутреннее волнение, когда я узнал, что меня направляют на командировку, которая носит прекрасное название Голгофа. Здесь когда-то жили монахи. Церковь, посвященная страстям Господним, и скит стояли на высокой горе. Дорога на вершину горы шла винтообразно – никогда не забуду я тех мыслей, которыми полна была моя голова и сердце. Какое счастье, думал я, я, усталый, изнуренный и с тяжелой ношей, поднимаюсь... на

Голгофу... Сердце как тяжелый молот стучало в моей груди, мне казалось, что я не смогу взойти на вершину Голгофы. Но в душе царило невыразимое состояние, и я чувствовал близость распятого Спасителя... На Голгофе я провел 7 дней. Отслужить там обедню не удалось, т.к. не было вина и невозможно было испечь хлеб. Прибывшие передо мной отцы жили в 2,5 км от меня, в ужасных условиях, еще худших, чем мои. Но 18 или 19 июня всех нас неожиданно перевели на командировку Троицкую, где жил наш дорогой владыка Болеслав...

Поселили нас на чердаке в маленькой комнатке. Нас было 20 человек, спустя некоторое время – 23, а комната была длиной 4,3 м, шириной 2,8 м, а высотой 2,1 м. Часть из нас спала на полу, а часть на нарах, на высоте около метра от пола: действительно, как селедки в бочке. К нашему вполне понятному для каждого прискорбию с нами были еще два благородных, но все же посторонних человека – православный епископ и священник-самосвят... Хотя они, впоследствии, узнали, что мы служили святую литургию, но в их присутствии мы никогда не делали этого. Если бы их не было с нами, мы, несомненно, совершали бы богослужения в нашей комнатке, но при них, повторяю, не решались...

И вот однажды кому-то из нас пришла в голову мысль: не попробовать ли молиться в лесу или, вернее, в довольно густых березовых зарослях, начинавшихся у самых наших построек. О. Потапий, о. Николай и я углубились в этот лесок на разведку. В лесу, как и на всем Анзере, довольно много камней разной величины. Невольно подумалось, не устроиться ли нам на камне. К нашему огорчению, удобный камень долго не попадался. Но вдруг – о, счастье! – перед нами как будто достаточно удобный камень, если приподнять один его бок. Но мешает меньшей величины камень, лежащий перед самым заветным камнем... Решили приподнять бок большого камня, а меньший передвинуть к левой стороне большого и пользоваться им как жертвенником при восточном богослужении. И вот мы принялись за работу... Но служить на камне можно было только в тихую погоду. При ветре это было опасно. На о. Анзер первые обедни совершили о. Болеслав, о.

Экзарх, о. Николай, о. Потапий Емельянов, о. Павел Хомич и я в лесу на алтаре – большом камне.

Все католические священники, живущие на командировке Троицкой о. Анзер, были объединены в братскую коммуну, имели общую кассу, продуктовую и денежную, и составляли один духовный организм. Допустив создание такой «ксендзовской коммуны», которая посторонними заключенными верующими и неверующими считалась образцовой, ГПУ, конечно, преследовало свои цели...

Вскоре кому-то из наших отцов пришла мысль совершать литургии под самой крышей чердака. Но было одно большое неудобство: нельзя было выпрямиться во весь рост, а только устроиться на коленях. Так мы и сделали. Ставили перед собой на полу несколько чемоданов, покрывали салфеткой, зажигали одну стеариновую свечу и, стоя на коленях в одной и той же позе в течение всей литургии, молились... Облачение употребляли крайне редко. Обыкновенно надевали поверх светского платья только столу. Обыкновенно служили 4-6 человек. В воскресенья и праздники – все. С вечера составлялось расписание, и отцы по двое совершали св. обедни, начиная с 12 час. ночи. Облатки и квашеный белый хлеб для литургии пекли сами...

Ежедневно служило немало отцов. Я старался служить ежедневно. Главное затруднение, которое сдерживало наших отцов, – недостаток вина. С Центрального острова на Анзер мы привезли ничтожное его количество. На совещании под руководством преосв. Болеслава было решено, что минимум вина для св. обедни – 6-8 капель. Это решение вызывалось недостатком вина.

В посылках родственники и друзья по-прежнему посылали нам церковное вино, но агенты ИСО, просматривая при вызове эти посылки, конфисковывали вино как запрещенный уже предмет. И вот мы решили расположить к себе следователя, который летом 1930 г. выдавал нам посылки. Однажды я посетил его и попросил выдавать нам вино, присылаемое в посылках. Он сделал вид, что моя просьба возмутила его, и грубо сказал мне: «Не полагается. Придите ко мне на квартиру, я выдам вам расписку в отобрании у вас вина…» Мы при-

шли. Он начал писать расписку. Но мы его еще раз попросили выдать нам вино. Тогда он встал, нервно прошелся по комнате и, сев за другим столом, сказал добродушно: «Что же вы, ребята, думаете, что мне жалко, чтобы вы служили обедню? Берите вино. Но помните: чтобы мне не было неприятностей». «Будьте спокойны, мы не подведем». «Да, я знаю ксендзов».

На другой день по поручению старосты нашей коммуны я пошел к этому следователю еще раз, отнес некий подарок, и мы заключили деловое соглашение. Впоследствии этот следователь сделал нам много хорошего. Не только пропускал вино и религиозные книги, но и предупреждал об обысках. Однажды и сам приехал на такой предупрежденный обыск и, когда его помощники начали делать обыск в том месте, где у нас действительно были спрятаны религиозные книги и богослужебные предметы, он, словно предчувствуя (а может быть, и зная), что нам угрожает беда, очень ловко удалил их оттуда. После отъезда с Анзера этого следователя нам удалось заключить деловое соглашение с его преемником. Но этого последнего сменил такой, с которым, как мы сразу поняли, никакого соглашения заключить было невозможно и который причинил нам немало неприятностей.

Снова наши богослужения были поставлены под угрозу из-за недостатка вина. Но Господь снова помог. Кто-то из отцов, кажется, о. Версоцкий, обратил внимание, что в курсе богословия указан рецепт, как делать вино из изюма. Но злой рок преследовал нас. Очень трудно было достать изюм. Через мою жену мы просили присылать нам изюм. Но в 1930 г. получили очень мало, т.к. и на воле его трудно было достать. Осенью 1931 г. только я получил от своей сестры 4 кг. Этого должно было хватить нам, по крайней мере, с декабря 1931 г по июнь 1932 г. И действительно хватило... Я снабжал вином своих восточных коллег и тех моих западных братьев, с которыми имел специальные интенции и которые усиленно старались ежедневно совершать святую литургию. Это были отцы Александров, Емельянов, Батманишвили, Хомич, Матулянис, Пашкевич, Шавдинис, Юревич.

На чердаке мы совершали богослужения приблизительно до октября 1930 г., т.к. в это время нас перевели из 3-го барака во 2-й. В нем мы решили выбрать как место для богослужения чердак над комнатой, где мы жили. В той части чердака было совсем темно. Зимой было настолько холодно, что у нас – особенно восточников – коченели пальцы. Единственным преимуществом было то, что здесь мы могли стоять в полный рост. По-прежнему в праздничные дни мы начинали служить в 12 час. ночи, т.к. только в этом случае все наши отцы могли окончить богослужение к 7 часам утра, т.е. к началу движения в лагере. Вся беда была в том, что западные отцы имели только два миссала, а потому нельзя было служить сразу троим...

С 1931 г. по инициативе о. Хомича 7 священников (5 западных и 2 восточных) решили совершать обедни со специальной интенцией удовлетворения Господу за все совершаемое в России зло и об обращении русского народа. Каждый из этих семи священников имел свой день недели: о. Пашкевич – понедельник, я – вторник, Янковский – среда, Матулянис – пятница, Батманишвили – суббота, Лукьянин – воскресенье...

Осенью 1931 г. мы снова были переведены в 3-й барак. Но помещались не в чердачной комнате, а внизу, в жилой. Наверху же, где мы когда-то жили, были сложены наши вещи. В этой чердачной комнате, а не в прежних боковушках, служили мы святую литургию до самого дня ареста 05.07. 1932. Это было самое удобное помещение в период совершения нами совместных богослужений. Мы устроились здесь даже с некоторым комфортом. Установили в комнате сколоченный о. Версоцким стол, на котором совершали богослужения западные отцы. Днем на этом столе лежал наш черный хлеб, чтобы у администрации не возникало ненужных подозрений и чтобы было видно, что появление стола в нашей комнате имеет вполне благонадежные цели экономического характера. Нельзя было жаловаться на особый холод в этой комнате зимой. На чердаке же мы устроили удобные секретки, куда быстро и легко можно было спрятать наши нелегальные предметы. Не нужно было закапывать их в пыльный и грязный песок, как во 2-м

бараке. Чтобы со двора не было заметно, что по ночам на чердаке происходят богослужения, мы тщательно завешивали окно комнаты плащами, а позже о. Версоцкий сделал специальные внутренние ставни, и таким образом ни один луч света не мог проникнуть наружу. В этой же комнате в течение почти целого дня находились наши отцы, которые хотели спокойно, не боясь неожиданного прихода властей, как это было внизу, прочесть свой бревиарий или провести медитацию. К великому огорчению не было в этой нашей нелегальной часовне постоянно Святых Даров, т.к. благоразумие исключало осуществление этого благого желания. В этой же комнате мы исповедовались.

Во все вышеуказанные периоды бывали времена, когда благоразумие диктовало нам совершенно прекращать богослужения, чтобы не потерять раз и навсегда исключительную милость Божию. Очень дорожа возможностью служить обедню, мы скрывали это от светских католиков. Знали об этом только наши сестры и еще 2-3 католика, которых мы знали с самой лучшей стороны...

...5 июля 1932 г. началась ликвидация нашей коммуны. Одной из причин и одновременно ближайшим поводом к тому были неудачи в работе секретных сотрудников на командировке Троицкой. Некоторые из этих сотрудников жаловались на трудности в работе, на то, что ксендзы знают об их роли и иногда подчеркивают это. Наконец, как мне думается, большое раздражение властей вызвало обращение одного из таких агентов и его отказ от прежней роли. В три приема были арестованы на Троицкой все 32 священника... Все арестованные были перевезены с о. Анзер на Центральный Соловецкий остров и посажены в тюрьмы-изоляторы. Наши богослужебные предметы пришлось оставить на острове, зарыв их в землю у колодца близ моря.

Всем было предъявлено обвинение по ст. 58 пункт 10: принадлежность к антисоветской группировке и антисоветская агитация на территории концлагеря... Были выдвинуты и оригинальные обвинения – наша коммуна была монастырем, т.к. совершались молитвы и проводились реколлекции, нелегальное и упорное совершение св. обедни и пр.

Семеро из 32 арестованных на Анзере отцов были отправлены из Соловков в ленинградскую тюрьму. Это о. Тройго, о. Дейнис, о. Матулянис, о. Хомич, о. Савинский, о. Буяльский и я. По словам следователя Паукера, были отобраны вожаки, которые слишком смело и якобы дерзко руководили группой священников. Пять из оставшихся на Соловках 25 членов бывшей коммуны и два из привезенных в ленинградскую тюрьму были отправлены в конце августа в ярославский изолятор, а оттуда в Польшу. Остальные 20 человек, получив новую статью обвинения, были разбросаны по отдельным командировкам Соловецких островов и поставлены в еще более тяжелые условия жизни и труда, чем до этого.

Но самое тяжелое – это, может быть, то, что, получив новую статью, они ежедневно ожидают увеличения срока или перевода на штрафной режим. Трое из них, о. Пашкевич, о. Филипп и о. Барановский, как наиболее решительные в выражении своих взглядов, направлены снова на Анзер и помещены на разных командировках...

Возможно, что на Анзере католические священники уже не совершают святой литургии... Но если они не славят Господа литургически, я знаю точно, что славят они Его добровольно и радостно переносимыми страданиями.

Краткая биография. Новицкий Донат Гильярдович родился в 1893 году в Москве, в мещанской семье. Учился в Петрозаводском и Санкт-Петербургском университетах, с 1916 учился в Петроградской католической духовной семинарии. Покинул католическую ДС и перешел к баптистам. Женился на польке Анатолии Боуффал. С 1916 по 1917 служил офицером в царской армии, до 1921 оставался на военной службе. После демобилизации служил в Москве. Приезжал и жил в Петрограде. В 1922 перешел к русским католикам, вошел в Абрикосовскую общину. 13 ноября 1923 успел предупредить о. Епифания Акулова об аресте о. Николая Александрова и А. И. Абрикосовой, а 16 ноября был сам арестован и привлечен к следствию по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 приговорен к 10 годам тюремного заключения. 13 июня отправлен в Орловскую тюрьму, где провел 17

месяцев, а в сентябре 1925 вывезен в Соловецкий лагерь особого назначения, куда прибыл 21 ноября. 5 сентября 1928 епископом. Б. Слосканом тайно рукоположен в священники восточного обряда. В 1929 переведен на о. Анзер, где 5 июля 1932 был арестован по групповому делу католического духовенства, которое обвинялось «в создании антисоветской группировки, ведущей антисоветскую агитацию, тайно совершавшей богословские и религиозные обряды и осуществлявшей нелегальную связь с волей для передачи за границу сведений шпионского характера о положении католиков в СССР». 9 июля 1932 следствие ходатайствовало о необходимости его «содержания под стражей и направлении в распоряжение СО ПП ОГПУЛВО». 22 июля 1932 вывезен с Соловков в Ленинградскую тюрьму как один из «вожаков, которые слишком смело и дерзко руководили группой ксендзов». 23 августа 1932 приговорен к заключению в Ярославский политизолятор (ПП ТПП ОГПУ в ЛВО). 15 сентября 1932 из тюрьмы освобожден и выехал по обмену в Польшу. С 1932 служил в греко-католическом приходе в Торокане под Дрогичиным. В сентябре 1939 г. переехал в немецкую оккупационную зону Польши в Зеленку под Варшавой, где стал капелланом женской монашеской общины. Одновременно участвовал в конспиративной антифашистской деятельности. С 1948 проживал в Свидере, затем в с. Нова Весь, позднее – в с. Изабелин под Варшавой. Был активным участником экуменического движения. В послевоенное время преподавал русскую культуру в ДС паллотинов в Олтажеве под Варшавой, был также референтом-экспертом по вопросам Восточных Церквей, России и экуменизма при примасе Польши кардинале Стефане Вышинском. 17 августа 1971 скончался в с. Изабелин под Варшавой.

Эпилог. Записки о. Доната Новицкого о Соловецкой каторге раскрывают еще одну сторону ущербной философии марксизма-ленинизма, на базе которой русские большевики пытались построить светлое коммунистическое общество, а в итоге построили империю зла (по меткому определению покойного президента США Рейгана) и превратили Россию в обширный архипелаг ГУЛАГ. Среди этого ар-

хипелага особое место занимает Соловецкий лагерь, устроенный на территории знаменитого некогда православного монастыря. Удивляет огромное скопление в этом лагере осужденных представителей католического духовенства латинского и восточного обряда. Можно себе представить масштабность всей атеистической борьбы в СССР и жестокость наказаний священнослужителей, если само служение Богу и совершение святых обрядов приравнивалось к антисоветской пропаганде и влекло за собой осуждение по 58 статье. И эта абсурдная идея служила руководством к действию карательным органам.

Обратим внимание, с какой невероятной твердостью духа эти Соловецкие узники переносили выпавшие на их долю лишения, и с какой радостью и благодарением Бога воспринимали любую возможность совершить святую обедню, исповедать человека или даже крестить младенца! «Наш образ жизни, – пишет автор, – довольно умелое пользование всеми возможными на Соловках благами и использование общего и личного положения для блага всей католической группы, западной и восточной – все это беспокоило ГПУ, которое привыкло видеть придушенных и растерявшихся заключенных, дрожащих за свое настоящее и со страхом думающих о будущем». Или вот еще: «Было около трех часов ночи. Без всякого страха и колебаний мы разложили на столах святые предметы и вознесли Господу наши моления о помощи в катакомбах и о чудесном сохранении в будущем всего необходимого для служения св. Жертвы… Прекрасное это было время! Я рад, что был на Соловках…». Такое мог произнести человек исключительно высоких нравственных убеждений.

Дополнение к главе: (Из воспоминаний Олешко Натальи Степановны). В Торокани у батюшки Новицкого была большая библиотека, целая комната вся в стеллажах. Книги нам выдавала матушка Антонина. Но вот наступила предпоследняя неделя каникул. Как всегда, после обедни, вся молодежь собралась на общий обед в доме батюшки. Настроение у всех прощальное, в мире пахнет войной. После обеда мы стали расходиться по домам. Было такое чувство, что, может, больше не придется встретиться. Но все же мы еще раз собрались в Торо-

каньской церкви. Идет служба. Я стою в хоре. Батюшка идет на проповедь и говорит: «Люди, началась война. Немец напал на Польшу». Матушка дежурила возле радио и сообщала батюшке новости прямо среди службы. Службу батюшка дослужил до конца, и вся молодежь пошла к нему в дом. Много и долго он нас учил. Он нам сказал, что через три года немец придет сюда. В школу в Варшаве мы не поехали, но несколько ребят отважились поехать. В Варшаве на улицах они увидели много трупов простых людей, молодых студенток с повязками Красного Креста и быстро вернулись домой. Новицкий еще был в Торокани, и мы ходили к нему. У него было простое радио. Матушка знала несколько иностранных языков. Сообщили, что Польшу поделят между собой немцы и большевики. Отец Новицкий был хороший политик и сказал, что граница будет по Брест. Так как он уже побывал на Соловках и помнил большевистские порядки, то начал собираться в Польшу. Мы спросили отца Новицкого, как нам вести себя при большевиках? Он сказал: «Против власти не надо идти, а в комсомол не пишитесь. Через три года придет немец». (А немец пришел раньше, через два года). Плакал батюшка, плакала матушка, плакали все мы. Отец Новицкий повел нас всех в библиотеку, раздавал книги молодежи, а сам плакал навзрыд. Говорил, что ничего так не жалко, как библиотеки. В тот последний и печальный день мы попрощались с отцом Новицким и матушкой навсегда. Но память об этом, дорогом нам человеке, сохраним до конца своих дней. А мы отметим, что для Униатской церкви с этого времени наступили новые трудные испытания.

В следующей главе обсудим положение о том, как сложилась печальная судьба нашей исторической Родины и самой Униатской церкви после того, как свершились приведенные ниже исторические события.

Кто предал нашу общую Родину?

Чтобы ответить на этот вопрос, начнем с краткого обзора древних событий в нашем государстве. В 1384 г. польские магнаты пригласи-

ли младшую дочь Людовика Венгерского (бывшего короля Венгрии, а потом Польши с 1370 по 1382 гг.) – Ядвигу, которой исполнилось едва 11 лет, в Польшу и осенью того же года ее избрали «королем» (королевой) этого государства. Замысел был таков, чтобы Ядвигу выдать замуж за литовского князя Ягайло – (в польской традиции – Ягелло), который проведет христианизацию Литвы и заключит унию с Польшей. 14 августа 1385 г. было подписано соглашение в Крево (совр. Сморгонский район) о династическом союзе Польши и Великого княжества литовского. Месяц спустя состоялась брачная церемония и коронация. «Так окончательно утвердился принцип выборности правителя Польского королевства», пишут авторы книги «История Польши» (2004) М. Тимовский, Я. Киневич и Е. Хольцер. Заключение Кревской унии – важный шаг в стратегическом направлении обоих государств с целью более успешного противостояния агрессивным устремлениям Тевтонского ордена и Московии. Хотя воплощение унии в жизнь оказалось нелегким делом, т.к. государственное устройство ВКЛ сильно отличалось от Польши. Помимо собственно Литвы (Аукштайтии и Жемайтии), в его состав входило много «русских» земель. Достаточно сказать, что восточная граница ВКЛ охватывала Вязьму и Курск, на севере далеко заходила за Полоцк и Витебск, а на юге достигала Черного моря. А это неизбежно приводило к столкновению ВКЛ с татарами и Москвой, ставшей центром объединения «русских» земель. На большей части огромной территории Литовского государства проживало преимущественно славянское население – предки нынешних белорусов и украинцев, исповедующих константинопольское православие в отличие от католической Польши и собственно Литвы. Поэтому в церковной сфере потребовалось установление мирных отношений и религиозной терпимости. Кроме того, на этом огромном пространстве бок о бок проживали и другие различные этнические и религиозные группы. Так было не только в ВКЛ, но и в Короне – после завоевания Галицкой Руси и поселения в польских городах многочисленных колоний немцев и евреев, а также небольшого числа армян и итальянцев. В свою очередь, в Литве оказалось много служивших в военных

отрядах татар. «В условиях этнической разнородности сплоченность обоих государств достигалась благодаря терпимости, поддержанию которой способствовало благоприятное экономическое и политическое развитие», пишут указанные авторы.

При освещении тех давних событий неизбежно возникает вопрос: почему наши предки, в большинстве своем православные, предпочли унию с Польшей, а не с православной Московией, которая якобы стала на путь «объединения русских земель»? Тут уместно вспомнить, что белорусский этнос доминировал в составе ВКЛ, и сам Владислав Ягайло свои королевские указы в Кракове писал на старобелорусском языке. Ответ на этот вопрос частично нами освещен в главе «Идеологическая фальсификация истории» в книге «Записки западного белоруса», 2007. Вкратце поясним, что не могла же более просвещенная и воспитанная в духе европейской культуры литовская (белорусская) шляхта пойти на сближение с Московией, которая всегда управлялась деспотическими режимами. Само же Московское княжество, бывший улус Золотой Орды, унаследовало от нее те же порядки. Поэтому и войны Московии с ВКЛ и Речью Посполитой в XIV–XVII веках отличались невиданными ранее жестокостями московитов по отношению к мирному населению.

Замок Мальборк в Польше

Грюнвальдская битва

Несмотря на христианизацию Литвы, Тевтонский орден не прекращал нападений на ее земли и захватил Жемайтию, мотивируя свои действия тем, что ее жители по-прежнему совершают идолопоклонство. Кроме того, орден сохранял власть над Гданьском и устьем Вислы, препятствуя тем самим развитию польской торговли. Назревал большой конфликт. Но с 1406 по 1408 гг. Литва была занята войной с Московией. После заключения мира на реке Угре оба союзных государства стали готовиться к войне с орденом. Объединенное польско-литовское войско двинулось на столицу ордена Мариенбург (Мальборк). Решающее сражение произошло 15 июля 1410 г. под Грюнвальдом. По оценкам современных историков, польско-литовские силы насчитывали около 30 тысяч человек, а силы ордена – 20 тысяч, но орден превосходил качеством вооружения. Битва продолжалась весь день с переменным успехом, пока, наконец, орденское войско не было разгромлено, а великий магистр Ульрих фон Юнгинген не пал на поле боя. В результате этой битвы Тевтонский орден оказался значительно ослабленным: Литве была возвращена Жемайтия, а Короне – ряд

польских городов. Выросло сопротивление крестоносцам местного прусского населения. Справка: Прусы, как и ятвяги – родственные литовцам племена. По данным Чеслава Милоша, лингвистический строй их языка был близок к современному литовскому. (Попутно заметим, что склонные к мифотворчеству российские историки и СМИ, описывая Грюнвальдскую битву, всякий раз подчеркивают участие в ней «русских» Смоленских полков, не поясняя при этом, что Смоленск тогда входил в состав ВКЛ, а формирование великорусской народности прошло без смолян).

Новое уточнение принципов унии произошло в 1413 г. в договоре, заключенном в Городле. Городельская уния определила статус великого литовского князя, которого назначал польский король с согласия коронного и литовского советов. «Таким образом, признавалась государственная самобытность ВКЛ. Несмотря на столкновения и противоречия, возникавшие в последующие десятилетия, уния сохраняла свою силу… Литовский престол был наследственным, а польская монархия – выборной, поэтому продолжение унии обеспечивалось избранием на польский престол литовских Ягеллонов. Эти принципы сохраняли свою силу вплоть до Люблинской унии 1569 года, заключенной накануне ожидавшегося пресечения Ягеллонской династии». Ее называют реальной унией, т. к. с 1569 г. два государства были объединены в одно целое. Поводом для такого более тесного сближения послужило поражение литовцев в войне с Московией в 1500 г. и поляков на Буковине в 1497 г.

Но эта уния не спасла новое государство – «Речь Посполитую обоих народов» – от саморазрушения. Речь Посполитая сформировалась как государство шляхты (магнатов). Она оставалась таковой и тогда, когда реальные рычаги оказались в руках этих магнатов, и тогда, когда власть в стране вершили иностранные армии и резиденты соседних держав. Обладая упорядоченной властью в Литве, Ягеллонам не удалось навязать Речи Посполитой государственное устройство абсолютистского типа. Из-за выборности королей (и их зависимости) польская шляхта постепенно отвоевывала себе все больше

привилегий, не заботясь особенно о судьбе своего же государства. В этих условиях значительно выросло шляхетское сословие – до уровня 8-10% от общей численности населения. Постепенно в этот процесс вовлекалась и литовская (белорусская) шляхта. Негативные последствия такого устройства государства заключались в том, что шляхте принадлежало право определять уровень налогов, и король был не в состоянии получить необходимые ему средства для укрепления армии и ведения военных действий по защите огромных территорий объединенного государства. Отметим, что в подобных условиях экономических привилегий непомерно выросли доходы католического клира, который (его иерархи) не сумел предвидеть грядущего упадка Речи Посполитой и не оказал какого-либо положительного влияния на переустройство политического статуса государства. Проблеск надежды возник тогда, когда широкое распространение среди польской и литовской шляхты получила Реформация, и в середине XVI века Речь Посполитая стала де-факто государством нескольких религиозных вероисповеданий.

Однако Реформация не прижилась надолго на землях Литвы и Короны и вскоре была основательно потеснена орденом иезуитов. Для этих целей католическая церковь использовала все свои материальные и интеллектуальные возможности, чтобы поднять престиж католицизма. И главное – орден иезуитов сумел захватить в свои руки школы и организовать в них преподавание на более высоком уровне по сравнению с предыдущими православными или другими училищами. И такие школы-коллегиумы появились во всех городах ВКЛ. С помощью этих коллегиумов и умелого проповедничества иезуиты успели обратить в католичество прежних диссидентствующих польских магнатов и многих из православных вельмож. Белорусские и украинские области ВКЛ покрылись монастырями и костелами. Довнар-Запольский, на которого я ссылаюсь в других главах своих книг, пишет, что такому успеху католической церкви помог новый король Речи Посполитой Стефан Баторий, которому нужна была социальная и религиозная стабильность в стране для успешной войны с Московией за Ливонию и

восточные земли ВКЛ. (Напомним о том, что тогда войска Московии не раз вторгались на территорию ВКЛ, захватывали и грабили Витебск, Полоцк и другие города).

Зигмунт III Ваза

В польской исторической печати много внимания уделяется такому видному деятелю контрреформации, каким оказался ректор Виленской иезуитской академии Петр Скарга (1536–1612), который, занимая видное место при дворе короля Зигмунта III Вазы, громил непомерное угнетение шляхтой крестьян. А между тем та же шляхта пыталась убедить короля в том, чтобы военную защиту государства возложить в большей степени на крестьян. Идея неплохая при условии большей свободы, материального достатка и роста национального самосознания низов. Не зря же, безрассудно потеряв отечество, потомки той средневековой шляхты во время восстаний против царского правительства обращались за помощью к «мужицкой правде». Но тогда патриотические призывы П. Скарги остались всуе.

Юго-восточные земли ВКЛ после Люблинской унии отошли к Короне. На этих землях, слабо заселенных, но очень плодородных,

складывалось могущество польских магнатов. Какое-то время их большие земельные владения могли успешно обороняться в условиях постоянной внешней опасности. Главным образом им угрожали частые татарские набеги. Местное население, на которое могла бы опереться шляхта, отличалось от польского элемента по своей этнической и религиозной принадлежности. Шляхта легкомысленно оттолкнула от себя казачество, «единственную силу, которая могла бы прочно связать Украину с Речью Посполитой и польской культурой. Нежелание решать проблему запорожских казаков стало, вероятно, той единственной ошибкой, которой можно было бы избежать», пишут указанные авторы. Но ведь известно, что шляхта не только отказалась решать проблему реестровых казаков (на чем настаивал более разумный король), но и стала на путь этнических и религиозных войн, объявив местный православный люд и казаков «схизматами», т. е. раскольниками. А это уже не просто ошибка, это серьезное политическое преступление шляхты (в основном, крупных магнатов) и католического клира по отношению к братскому славянскому народу. За эту ошибку (преступление) история жестоко наказала Польшу и ввергла Украину в многовековую неволю и зависимость от Москвы.

Казацкие восстания. Попытки ограничить самостоятельность казаков привели к бунтам. В 1637 г. у Кумеек было жестоко подавлено восстание под предводительством Павлюка (Павел Бут). В 1638 г. сейм принял решение ограничить свободу казаков, лишил их права выбирать гетмана, сократил реестр, а оставшихся казаков рекомендовал перевести в разряд зависимого населения. Польским магнатам – крупным землевладельцам – нужна была в первую очередь рабочая сила, и по своему недомыслию они пренебрегли ментальностью казака-воина и прежнего надежного защитника юго-восточных границ Речи Посполитой. И казаки вынуждены были связать свою судьбу с Украиной и православием. На их стороне оказалось местное крестьянство, которое, как это признают сами польские историки, подвергалось более интенсивной, чем в Польше, эксплуатации. «На берегах Днепра шлях-

тич воспринимался как «лях» – чужак и католик, а шляхтич, со своей стороны, относился к зависимому от него православному крестьянину, как потенциальному бунтовщику», пишут многие украинские и польские историки. В 1646 г. сейм отверг (в грубой форме) планы короля Владислава IV по урегулированию казацкой проблемы. Это высокомерие шляхты стоило Польше большой крови. В 1648 г. началось самое крупное восстание казаков и всего украинского населения под руководством Богдана Хмельницкого, который в короткий срок нанес сокрушительное поражение шляхетскому ополчению в битвах при Желтых Водах и Корсуни и подошел к Львову. В нашу задачу не входит описание известных исторических событий того периода. Отметим только, что близорукая политика польского шляхетского руководства имела трагические последствия как для Польши, так и для Украины, которая после Переяславской Рады (январь 1654 г.) попала в объятия царского деспотизма. Вскоре войска московитов двинулись на Смоленск и Могилев и, встретив слабое сопротивление в июле 1655 г., вступили в столицу ВКЛ – Вильно. Польша оказалась ненадежным союзником ВКЛ, и Люблинская уния не спасла нашу историческую родину от многовековой царской неволи.

Богдан Хмельницкий

Почему объединенная Речь Посполитая не стала великой державой?

Указанные выше авторы справедливо замечают, что внешнеполитическая слабость этой страны определялась «несовершенством политической системы», которая создала условия как для самоуспокоенности и беззаботной жизни, так и для проявления частных интересов в неслыханных масштабах. Так важный проект переустройства государства не был реализован на сейме в 1589 г. из-за чрезмерных амбиций польской знати. Наступила полная децентрализация власти в стране на радость соседним государствам, у которых не могли не возникнуть замыслы к агрессивным действиям. Речь Посполитая оказалась перед лицом угроз извне: она была лишена эффективной исполнительной власти и ее раздирали изнутри противоречия соперничающих политиков. Польские историки период 1500-1600 гг. называют «Золотым веком», подчеркивая тогдашнюю силу и величие Речи Посполитой. Почему же в последующие столетия наступила эпоха декаданса и упадка, если признать факт, что шляхта создала самобытную форму государственного устройства наподобие парламентской монархии? Можно согласиться с мнением польских историков о том, что привнесенные западные гуманистические идеи в польские условия способствовали материальному достатку, расцвету образования и духовной культуры. Корона и Литва стали привлекательным местом поселения для многих ремесленников и других специалистов из западных стран. Но указанные прогрессивные преобразования не привели к решению главной проблемы – государственного устройства в республиканском духе (на английский манер). И хотя тогда звучало в политических кругах крылатое выражение: «Rex regnat, sed non gubernat» (король правит, но не управляет), – действенной конституционной монархии или республики из Речи Посполитой не получилось. «Золотые вольности» шляхетства породили в 1652 г. пресловутый принцип liberum veto, что означало «свободный запрет», когда голос одного посла мог лишить силы принятые сеймом законы. Вырождение права свободного запре-

та заключалось в том, что магнатские группировки или иноземные дворы использовали его в своих интересах для срывов заседаний сейма. Особенно часто такие срывы заседаний сейма происходили при принятии им законов, направленных на укрепление армии и обороноспособности страны. Анализ исторической литературы показывает, что иноземные дворы не жалели денег на подкуп самой богатой и влиятельной польской знати. Так постепенно эта знать становилась на путь предательства интересов своей страны.

Анархия и кризис. Эти явления неминуемо возникли вследствие неразумного государственного устройства Речи Посполитой. После шведского «потопа» и военной разрухи верховная власть страны попала в зависимость от решений Петра I – главного победителя шведов. В 1714 г. король Август II сделал попытку осуществить реформу государственной власти и закрепить права наследования польского престола своими потомками. Для достижения этой цели он использовал в качестве предлога постоянную угрозу со стороны Турции и начал сосредотачивать в Польше саксонские войска. Боясь усиления власти короля, польские магнаты (война и разруха их ничему не научили) стали искать опору у России, которая охотно выступила в роли посредника. Для этого, однако, потребовалось задействовать русскую армию. С этого важного исторического момента и началась трагедия РП. Просматривая доступные исторические источники, можно сделать вывод, что никто из современных историков не осветил так подробно и аргументировано политические события, приведшие к упадку РП, как это выполнили наши белорусские историки Анатоль Тарас и Евгений Анищенко. Последний в предисловии к своей книге «Сторона неприкаянная», 2009, пишет: «С момента объединения (унии) в 1569 г. ВКЛ с польским королевством в Речь Посполитую не раз звучали предупреждения о возможной гибели этой страны из-за недальновидной политики правящих кругов, отсутствия своевременных реформ и агрессивных намерений соседей. Такие пророчества высказали еще в XVII веке король Ян Казимир и проповедник П. Скарга».

«Союз трех черных орлов». Планы раздела РП зрели давно. Правительство России стремилось к тому, чтобы совместно с другими государствами гарантировать сохранение «польской анархии». С этой целью Петр I заключил в Потсдаме союз с Фридрихом Вильгельмом в 1720 г., со Швецией в 1724 г. и с Австрией в 1726 г. Самым главным стал новый трактат от 1732 г. («Союз трех черных орлов»), который закрепил принцип свободной элекции короля, liberum veto и внутреннюю дезорганизацию РП. Но польская шляхта и магнаты в первую очередь не задумались, почему соседние государства с абсолютистскими режимами так упорно настаивали на сохранении в Польше неоправданных шляхетских вольностей? Польские историки по этому поводу пишут: «Речь Посполита оказалась в глубоком кризисе. Она была неспособна не только действовать, но даже мыслить о собственном спасении. Казалось, что ее граждане охвачены равнодушием и апатией ко всему, что не совпадало с их личными интересами». Эти пессимистические выводы подтверждает процедура королевской элекции, во время которой столкнулись Лещинский (ставленник Швеции) и саксонский курфюрст. И вот в этот момент выяснилось, что не граждане РП решают судьбу королевства, а соседние государства: Петербург и Вена поддержали саксонскую кандидатуру деньгами и военной силой. И Август III был избран в 1733 г. королем ценой передачи Курляндии Бирону (фактически России). Весь период правления этого короля (до 1763 г.) можно назвать периодом смуты и бесплодной внутренней борьбы многочисленных магнатских группировок различной политической ориентации.

Основываясь на данных указанных историков, можно условно разделить эти группировки на два политических лагеря: «республиканцы» и «фамилия». В лагере «республиканцев» первостепенную роль играли роды Потоцких, Радзивиллов и Огинских, а «фамилию» представлял собой род Чарторыйских. Последние в своем стремлении к возвышению и власти считали необходимым изменить как процедуру заседаний сейма (упразднить liberum veto), так и порядок отправления власти: создать эффективное правительство, которое регулирова-

ло бы экономическую жизнь в стране. Следовательно, Чарторыйские, по сравнению с республиканской оппозицией, придерживались, безусловно, более прогрессивных взглядов. Однако их роль в польской истории оценивается неоднозначно из-за последующей пророссийской ориентации. Но что можно было решить полезного для страны в условиях, когда закон уступал силе и подкупу? Когда шляхта «охотно прислушивалась к агитации против увеличения налогов на военные нужды», отмечают указанные историки. Поэтому нам представляется, что пророссийская ориентация Чарторыйских была вынужденной. И это будет показано при дальнейшем анализе исторических событий того времени. Справка: Род Чарторыйских – древне-литовская (белорусская) православная шляхта. Свое прозвище они получили от имения Чарторыск на реке Стырь, что в Волынском воеводстве. В 1622 г. из православия перешли в католичество.

Михал Клеофас Огинский

Беззащитная в военном отношении РП постепенно превратилась в «проходной двор». Россия и Пруссия бесцеремонно проводили свои войска через ее земли, устраивали на ее территории военные склады и размещали солдат на зимние квартиры, нанося тем самым жителям страны колоссальный ущерб. Особенно часто на территорию РП под различным предлогом вторгались российские войска. Так, накануне выборов польского короля (С. А. Понятовского) потребо-

вался дополнительный контингент таких войск. Приведем в качестве примера заключительную часть письменного обращения канцлера А. Бестужева-Рюмина к Екатерине II по этому поводу: «Впрочем, когда монаршее изволение о походе войск в Польшу воспоследует, то при выступлении полков из Курляндии необходимо надобно манифест издать, что сие чиниться единственно в нынешнем случае для защищения польской вольности и прав, следовательно, для способствования вольному королевскому избранию, в чем Россия по силе трактатов обязана и что сии войска в землях республики за все получаемое к их пропитанию наличными деньгами платить будут» (документ № 2 в кн. Е. Анищенко «Сторона неприкаянная», 2009). Но командиры указанных полков не всегда добросовестно рассчитывались «за пропитание» с местным населением, пишут польские историки. А магнатские партии, несмотря на грубое вмешательство в политическую жизнь страны иностранных войск, продолжали спорить, срывали сеймы, с готовностью принимали иностранные деньги и не задумывались об увеличении казны и усилении собственной армии. «Польша безвластием стоит», – произнес как-то депутат сейма Щука. После смерти Августа III императрица Екатерина II без труда осуществила 6 сентября 1764 г. передачу польской короны своему бывшему фавориту Станиславу Августу Понятовскому – представителю рода Чарторыйских (по материнской линии). Для этого достаточно было направить против его противников дислоцированные в Польше войска. Но Чарторыйские не смогли осуществить задуманные ими реформы власти. «России, занятой войной с Турцией, была необходима лишь гарантия безопасности. Усиление Речи Посполитой было не в ее интересах», замечают указанные польские и белорусские историки. И далее они продолжают: «Действуя под защитой русской армии и проведя элекцию в соответствии с предписаниями Екатерины II, сторонники реформ считали, что сумеют обмануть императрицу. Но это привело к консолидации всех консервативных сил против Понятовского и против реформ». Знакомясь с историей Польши, не перестаешь удивляться безрассудному поведению, казалось бы, просвещенной шляхты (тех же литов-

ских и польских магнатов) не только в те отдаленные времена. Не зря же Уинстон Черчилль накануне Второй мировой войны заметил, что «этот народ (польский) совершает непоправимые ошибки на всех поворотах своей истории».

Станислав Август Понятовский

А вот русская императрица действовала весьма продуманно. Она сумела воспользоваться стремлением магнатской оппозиции сместить Станислава Августа с престола. Эта оппозиция по своему недомыслию не обращала внимания на попытки короля освободиться от влияния России и первая обратилась за помощью к Екатерине, обвиняя короля в попытке осуществить «деспотический переворот». «В этих условиях императрица смогла подавить волю и чувство достоинства своего избранника. Король, не отличавшийся сильным характером, был совершенно сломлен и уже никогда впредь не решался оказывать сопротивление своей покровительнице», пишут указанные историки. А «покровительница» тем временем подыскивала предлог для очеред-

ного вмешательства в «польские дела». И такой предлог вскоре обозначился.

Встав, по примеру Петра I, на защиту протестантов и православных, Екатерина II обвинила власти РП и в частности польских магнатов в отсутствии религиозной толерантности. И хотя указанные польские историки пишут, что по сравнению с другими странами Европы положение диссидентов в РП в те годы можно считать благоприятным, однако сами же указывают на факт существования шляхетской ксенофобии, которая находила выход в нападках на иноверцев. «Шляхта с легкостью поддавалась давлению со стороны папских нунциев и влиянию пламенных речей некоторых представителей польского епископата», отмечают эти авторы. Выходит, что восстание Хмельницкого, потеря левобережной Украины и последующая «Колиивщина» – восстание Железняка и Гонты (май-июль 1768 г.) на территории правобережной Украины – ничему не научили надменных шляхтичей и католических иерархов. И в том, и в другом случаях указанные восстания приобретали национально-религиозную окраску, и царская Россия находила удобный повод для вмешательства во внутренние дела РП. Вот уж, действительно, справедливо известное изречение: «Если Всевышний хочет кого-то наказать, то отбирает у него разум». Сделаю краткое отступление: 13-15 ноября 2011 г. в Минске мне довелось быть участником VII Международной конференции «Православно-католический диалог: Христианские этические ценности как вклад в социальную жизнь Европы». На этой конференции только на пленарных заседаниях прозвучали следующие доклады: «Христианские ценности в современной Европе» (Митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев), патриарший Экзарх всея Беларуси); «К вопросу о христианских ценностях в Европе» (Кардинал Курт Кох, Президент Папского Совета по Содействию Христианскому Единству (Ватикан); «Христиане перед лицом вызовов постмодернистической идеологии» (Митрополит Минско-Могилевский, Глава Римско-Католической Церкви Беларуси, Тадеуш Кондрусевич); «Православно-католический форум: опыт совместного свидетельства о христианских ценностях

в современной Европе» (Протоиерей Дмитрий Сизоненко, представитель Отдела Внешних Церковных Связей, Московский Патриархат); «Христианство, культура и кризис человека. Взгляд в Европу из русского мира» (Роккучи Адриано, заведующий кафедрой новейшей истории Католической Церкви в Римском университете, генеральный секретарь «Общины святого Эгидия»); «Христианские ценности без церковности. Необходимость православно-католического диалога» (Данилов Андрей Владиленович, директор Института религиозного диалога и межконфессиональных коммуникаций). Как жаль, что такие конструктивные диалоги не имели места в те трагические для нашей исторической родины времена!

Ранее нами отмечалось, что католическая церковь, например, на землях Западной Беларуси была несравненно более просвещенной по сравнению с православной. Конечно, в годы большевистской тирании обе церкви подверглись жесточайшему преследованию: священнослужители арестовывались, а храмы целенаправленно разрушались. Но в те далекие годы, когда религия играла важнейшую роль в политической жизни страны, поступки католической церкви нельзя назвать разумными, если признать справедливыми слова польских историков о том, что «шляхта легко поддавалась давлению со стороны папских нунциев и влиянию пламенных речей польских епископов». Ведь известно, что и Богдан Хмельницкий в начале казацких восстаний призывал папских нунциев вмешаться в польско-украинский конфликт (социально-религиозный) и разрешить его мирным путем. Но этот призыв не нашел отклика в сердцах и умах католического клира.

Не будем повторяться, во что обошелся этот конфликт (фактически война) тогдашней РП и Украине. Отметим только, что он, по сути, положил начало распаду некогда большого и влиятельного государства в центре Европы. Приведем пример негативных религиозных противостояний, указанный в разделе «Документы» в книге Е. Анищенко. «Мемориал Г. Конисского Екатерине II о бедствиях православных Белоруской епархии в Речи Посполитой 10 октября 1762 г. Всемилостивейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина

Алексеевна, самодержица всероссийская. Бьет челом епископ белорусский Георгий имянем всего белорусского народа Греко-российского исповедания, а в чем мое прошение, того следуют пункты.

1. Народ белорусский Греко-российского исповедания в области польской живущий, но под защищением державнейших монархов российских издревле состоящий по силе древнейших узаконений республики польской, також присяжных пактов, королевских привилегий, а особенно по трактатам с Россиею в 1786 году вечно заключенным, долженствовал при всякой свободности и прерогативах как в церковных, веры своей Греко-российской, так и гражданских их порядках по примеру римской веры исповедников ненарушимо всегда быть. Но помянутой римской веры исповедники и отлучившиеся от благочестия в 1595 году униаты в противность помянутым узаконениям, пактам, привилегиям и в нарушение вечно заключеннаго трактата народ оной, Греко-российской веры, безмерно озлобили и озлоблять доселе не перестают…» Или вот еще один пункт из указанного мемориала: «Кляшторные ксендзы малых детей в кляшторы захватывают и потом родителям плачущим не выдают поколь не принудят их отречься от веры Греко-российской, после, отдавая их, обязуют родителей штрафами тяжкими не обращать их паки в благочестие, каковых примеров несколько не в давном времени в городе Шклове тамошния доминиканцы учинили». Мы ограничимся только частью витиеватых фраз этих пунктов. А таких пунктов в мемориале 18. В одном из них епископ жалуется и приводит собственный бытовой пример о том, как «жительствующий в соседстве с моею деревенькою шляхтич Зеленский, стряпчий трибунальский, прибунтовски прибивши до полусмерти моего приказчика на моей земле…» И в заключение Конисский просит императрицу российскую «милостивейше учинить решение». При чтении этого обширного мемориала возникает вопрос: почему православный епископ не ищет диалога с таким же католическим иерархом, а напрямую обращается к главе другого государства? По законам любой страны такое деяние – это уголовно наказуемое преступление. Поэтому с определенной долей истины можно утверждать, что

указанный мемориал, как и многие другие исторические документы того времени, тщательно собранные Е. Анищенко, свидетельствуют о слабости и все большей зависимости РП от соседних государств. А обращение Г. Конисского непосредственно к Екатерине II можно трактовать как спланированную в российских верхах провокацию и повод для дальнейшего раздувания диссидентского вопроса и вмешательства во внутренние дела РП. На западных землях РП подобные провокации синхронно с Петербургом устраивала Пруссия, используя протестантский религиозный вопрос. Подготовка к разделу РП шла полным ходом еще до избрания королем Станислава Августа Понятовского.

Сознавала ли польская шляхта пагубность своей политики, когда она на заседаниях сейма голосовала против налогов, необходимых для увеличения армии и укрепления обороноспособности страны? Вот выдержка из документа № 18 из той же книги Е. Анищенко: «Опровержение претензий России к Речи Посполитой Ф. Лойки». В этом документе среди прочих пунктов речь идет о том, что «российские подданные, живущие на пограничьи, якобы сманиваются на бегства подговором поляков – число их достигает до 300 тыс. людей». По-видимому, чтобы закрыть границу на замок, наподобие советского железного занавеса, у тогдашней России не было возможности или намерений для столь непопулярной акции. Ведь Екатерина II вела переписку с Дидро и другими французскими просветителями и не могла пойти на столь грубый шаг. Тем не менее, из деспотической и крепостной России люди по возможности спасались бегством. Далее в указанном документе уже значится цифра 400 тыс. беглецов. Среди указанных беглецов числилось много т. н. староверов. Справка: Староверами называю православных, не признавших церковной реформы патриарха Никона. От преследований светских и церковных властей многие из них спасались бегством на территорию более демократичной РП. Для малонаселенной Московии того времени подобная убыль населения – это значительная экономическая потеря. Но вместо улучшения жизненных условий для своих подданных правительство

России потребовало от РП компенсации и возвращения крепостных беглецов. В своем ответе на эту претензию российского двора Ф. Лойко пишет: «Когда сильный говорит слабому: «Сделай это, ибо я так желаю», тогда слабый ищет в ответ какие-нибудь средства отпору, и если видит их бессмысленными, тогда он уступает исполнение дела мудрости, испытывая зло из-за боязни худшего, уклоняясь от не выраженной немощи». Далее господин Лойко указывает, что «российские войска, которые 70 лет проходят и приходят в края Речи Посполитой, учинили в них невыносимое бесправие, денежные суммы, будь то давно залежалые, будь то нынешние, объявленные частным лицам и осыпанные квитанциями офицеров и генералов на счет расточенного ими провианта, которые их подкрепляли будь то вовремя перехода, будь то во время постоев российского войска, – все эти статьи составляют совокупность вознаграждения и претензию, крайне трудную для определения. Однако, следуя данному примеру и примерной калькуляции, с присоединением к ней процентов, вырастет без ошибки не менее нескольких миллионов». Стоит обратить внимание в указанном документе на такой факт, что Россия бесцеремонно в качестве компенсации «присвоила край площадью 1300 кв. верст за чертой, описанной трактатами от устья Двины аж до небольшого местечка Стайки, лежащего над Днепром, 5 миль ниже Киева. Россия домогается того, словно тот край был забран более 60 лет и обработан с пользой для подданных Речи Посполитой и обидой российских подданных». А теперь, уважаемый читатель, давайте вместе ответим на поставленный выше вопрос. Да, польская шляхта и магнатская ее верхушка сознавали, что РП потеряла былую мощь и славу и клонится к упадку. И Ф. Лойко (вовсе не рядовой чиновник) указывает на этот факт, признавая слабость своей стороны. Но зададимся еще одним вопросом, почему правящие круги РП не предприняли решительных мер по укреплению обороноспособности своей страны? Почему магнаты и депутаты сейма не поддержали инициативу нового короля (С.А. Понятовского) по реорганизации структуры государства и увеличению численности армии РП? Ведь с момента начала описанных событий до окончатель-

ного распада РП еще оставалось 30 лет. Вот уж, действительно, справедливы слова, «кто не хочет кормить свою армию – кормит чужую». И РП превратилась не только в проходной, но в постоялый двор для российской армии. Польские историки пишут, что в 1766 г. о разделах еще не думали и сами задаются вопросом, как это РП просуществовала так долго в условиях анархии и кризиса? Да, новый король, ставленник Екатерины, не обладал достаточной силой воли, необходимой для государственного мужа, но он был сторонником реформ и прославился особенно в сфере образования. Созданные при его поддержке интеллектуальные кадры сыграли потом значительную роль в эпоху борьбы за независимость.

После первого раздела РП наступило некоторое отрезвление правящей верхушки и сближение короля и реформаторов. Началась работа над правительственным законом, который предусматривал ограничение шляхетских свобод и усовершенствование государственного устройства. Принятие Конституции 3 мая 1791 г. стало поистине революционным событием. Но этим прогрессивным реформам не суждено было сбыться. Екатерина II и весь российский двор были обеспокоены массовым бегством своих подданных в более демократическую страну, какой являлась РП, и не пожелали терпеть ее соседства. В нашу задачу не входит детальное освещение тех важных событий накануне гибели некогда могущественной и просвещенной европейской державы. В данном эссе мы лишь хотим задаться еще одним вопросом. Каким образом отсталая крепостническая Россия сумела навязать свою волю этой державе и довести ее до упадка? Как могла в более цивилизованной стране, какой являлась РП, свить себе гнездо предательская кучка польской магнатерии? А между тем это исторический факт. Назовем имена этих предателей: Щенский-Потоцкий, Ксаверий Браницкий, Северин Жевуский и Шимон Коссаковский (история одинаково фиксирует имена не только героев, но и злодеев). Они провозгласили 27 апреля 1792 г. продиктованный им в Петербурге манифест и создали в Тарговице (Украина) конфедерацию в защиту прежнего (порочного) государственного устройства РП. И уже в мае

на ее территорию вторглись российские войска. Екатерине удалось подкупить еще одного предателя – командующего литовской армией Людвика Виртембергского, сдавшегося на милость императрицы. Предатели и обманутая ими часть шляхты здорово просчитались. Вопреки их расчетам, уже в январе 1793 г. было подписано соглашение между Россией и Пруссией о втором разделе РП. «Катастрофа второго раздела привела к нравственному и экономическому краху», отмечают указанные выше историки. Станислав Август Понятовский мог исправить прежние ошибки и прославить свое имя, но он, к сожалению, встал на сторону тарговичан.

Тадеуш Костюшко (1746–1817).

Он родился в фольварке Мерочивщена возле местечка Коссово (ныне Ивацевичский район Брестской области) в небогатой литвинской семье. С 9 до 14 лет вместе со своим старшим братом обучался в Любешовском коллегиуме католического ордена пиаров. Почему родители выбрали для обучения мальчиков далекий от Коссово Любешов? Дело в том, что в коллегиумах ордена пиаров в отличие от других католических орденов (францисканцев, бернардинов) обучение и содержание учеников было бесплатным. Сошлемся на книгу краеведа

Петра Бущика «Хроніка Любешівська» (2018), в которой указано, что поселение Любешов возникло в 1484 г. и в средние века Любешов стал центром католического просвещения на Полесье. Здесь же находился большой монастырь ордена Пиаров. Для учеников коллегиума монастырь выделял удобные помещения (бурсы), обеспечивал их книгами, бумагой и другими школьными принадлежностями. Расходы монастыря частично покрывались пожертвованиями князей Вишневецких, Счетвертинских и Куренецких, пишет автор.

Первая школа Пиаров была открыта в Варшаве в 1642 г. Просветительская миссия этого католического ордена быстро расширялась. В 1730 г. завершается строительство каменного двухэтажного коллегиума Пиаров в Любешове. В обширном дворе возле здания размещались мастерские: столярная, токарная, кузница, мельница, а также конюшня. В отдельном флигеле находился музей, коллекция минералов, химический кабинет. Здесь же во дворе стояли две электромашины (физическая и пневматическая). Недалеко от коллегиума над р. Стоход был выращен фруктовый и ботанический сад с редкими для Европы деревьями и кустами, названный «Венецией» из-за проложенных в нем каналов.

Библиотека монастыря насчитывала около 3000 томов книг, которыми пользовались преподаватели, а для учеников был выделен специальный фонд. В коллегиуме (школе) Пиаров все ученики были равны. Богатый не имел никаких преимуществ по сравнению с бедным. Положение ученика в классе зависело от его способностей. Отметим интересный педагогический факт того времени: более успешные ученики сидели выше отстающих. Перечислим изучаемые предметы: кроме стандартных были уроки катехизиса, изучались основы морали и христианской морали в частности, народное право, риторика, польская история, подробно латынь с переводами произведений Евтропия, Цицерона, Горация, Марцелиуса и др. классиков античной культуры. Кроме польского изучался русский, немецкий и французский языки. Школа Пиаров была школой передовых идей и взглядов. Не зря же после разделов Польши Екатерина II издала указ: «Пиарским инспекто-

рам, школам и училищам особую перепись учинить над ними. Особо надзирать смеете по причине вредного учения, обоснованного на буйственных началах новейшего французского суеверия, разрушающего все связи благоучреждений обществ и правлений»

У меня нет данных, где находился и чем занимался Костюшко в течение последующих 5 лет. Но в 1765 году он поступил в Варшавскую рыцарскую школу (военное училище), которую окончил в 1769 году в чине капитана. В числе лучших выпускников его отправили во Францию, где он изучал артиллерию и фортификацию. В 1775 году Костюшко эмигрировал в Северную Америку, которая вела войну за независимость. Там его зачислили в армию США в чине полковника. Заняв пост главного инженера армии, он руководил строительством полевых укреплений. Отличился в завершающей битве при Йорктауне 18 октября 1781 года. Конгресс США 13 октября 1783 года присвоил ему чин бригадного генерала, наградил орденом “Cincinnati”, даровал американское гражданство, земельный надел и пожизненную пенсию. Тем не менее, Костюшко отказался от прекрасной возможности сделать карьеру в Америке и в 1784 году вернулся в Польшу. Только в 1789 году его зачислили в армию и королевским указом присвоили чин генерал-майора. После капитуляции правительства перед русскими оккупантами вместе с другими офицерами-патриотами в 1792 г. Костюшко в знак протеста подал в отставку и уехал в Париж, затем в Лейпциг, центр политэмигрантов из Речи Посполитой. Там он согласился возглавить восстание против России.

Восстание Костюшко

Этому 47-летнему генералу суждено было стать вождем нации. 24 марта 1794 года Костюшко прибыл в Краков и на краковском рынке произнес слова знаменитой присяги: «Я, Тадеуш Костюшко, присягаю перед лицом Бога всему Польскому Народу, что доверенную мне власть не использую ни на что личное притеснение, а буду пользоваться ею исключительно только для защиты целостности границ,

восстановления самовластия Народа и упрочения всеобщей свободы. Я не буду биться за одну шляхту. Я хочу свободы всей нации и только за нее буду жертвовать своей жизнью». Это был важный момент в истории Польши.

4 апреля 1794 года возле деревни Рацлавицы повстанцы нанесли первый сокрушительный удар по царским войскам. Но далее их преследовали неудачи. Не стану описывать дальнейший ход этого знаменитого восстания, подробно изложенный в польских и в белорусских источниках. Отмечу только роль белорусских участников восстания, сославшись на данные А. Тараса (кн. "Анатомия ненависти"). «В Литве воевали с русскими в первую очередь шляхтичи, исповедовавшие католичество или униатство, говорившие по-польски, в своем большинстве считавшие себя поляками. Такова была религиозная и языковая специфика литвинской (т. е. белорусской) шляхты того периода. Но было бы неправильно утверждать, как это делают некоторые наши современники, что литвинских (белорусских) крестьян «паны силой заставляли входить в повстанческие отряды». О том, как крестьяне отреагировали на Поланецкий универсал Костюшко, красноречиво свидетельствуют слова из "Песні ліцьвінскіх жаўнераў", написанной Якубом Ясинским.

Помнім добра, што рабілі,
Як нас дзёрлі, як нас білі,
Нашто землю нам забралі?
Нашто в путы закавалі?
Дачкі, жонкі нам гвалцілі!
Трэ, каб мы ім заплацілі!
Ці ўжо мы ўсе сабакі?
Гаспдары – не бурлакі.
Зашто маем крыўду знаці?
Зашто церпіць наша маці?
Дакуль будзем так маўчаці?
Годзе намсядзець у хаце!
Возьмем косы ды янчаркі,

Пойдзем гордыя гнуць каркі!
Бывай здарова, Агрыпіна!
Параска! Мае дзяўчыны!
Ад вас цяпер мы ад’язджаем,
Да Касцюшкі усе прыстаем.
Пойдзем, хлопцы, да Касцюшкі,
Будзем біці маскалюшкі!

Справка: Якуб Ясинский – литвинский шляхтич. В 1783 окончил военное училище в Варшаве, был оставлен в нем преподавателем. В 1789 прибыл в Вильно для создания инженерного подразделения войск ВКЛ. Стал его начальником с чином полковника. С 3 мая 1794 – комендант войск ВКЛ, с 11 мая – генерал-лейтенант. Писал на белорусском языке рифмованные обращения к крестьянам, призывавшее их поддержать восстание. В мае-июне командовал войсками, сражавшимися с русской армией. В июле-октябре командовал дивизией в армии Костюшко. Погиб 4 ноября 1794 при обороне Варшавы от войск Суворова.

В Вильно был создан революционный суд, который рассматривал дела предателей, поддержавших Тарговицкую конфедерацию. Ясинский верил в воспитательное действие виселицы. Первым (уже 25 апреля) повесили Шимона Косаковского, великого гетмана литовского. Столь радикальные действия плебейских слоев напугали правое крыло руководителей повстанцев. Под их нажимом Костюшко 4 июня отстранил Ясинского от руководства Главной Временной Радой Литвы. В Варшаве также под давлением вооруженной толпы городских низов казнили четырех предателей: великого коронного гетмана Петра Ожаровского, польного литовского гетмана Юзефа Забелло, епископа Юзефа Косаковского (брата Шимона Косаковского) и бывшего депутата сейма Юзефа Анквича.

Говоря о восстании Костюшко, нельзя не вспомнить еще об одном нашем земляке – Михале Клеофасе Огинском, который принял самое активное участие в восстании и на свои средства сформировал батальон конных егерей и сам же его возглавил. После поражения

восстания уехал в Австрию. Славу ему принесли полонезы, особенно «Прощание с родиной» (1794), мазурки и марши («Марш повстанцев»). Малочисленная и плохо вооруженная польско-литовская армия под руководством Тадеуша Костюшки не смогла противостоять двум агрессорам, и в 1795 г. РП исчезла с карты Европы.

В заключение этой части эссе хочу привести характерные слова молодого поэта того времени К. Гашинского, современника А. Мицкевича, написанные им в 1825 г., т. е. через 30 лет после окончательного раздела РП:

“Wkrótce ujrzeliśmy, że nasza Ojczyzna

Jak żyzna na pszenice, tak i na głupoty żyzna…” (Вскоре мы узнали, что наша Отчизна // как на пшеницу плодородна, так плодородна и на глупости).

Восстановленная церковь Святого Духа в Минске, входившая в комплекс мужского и женского униатских монастырей

В начале августа 2019 г. мы, группа краеведов из Дрогичина (кроме меня в составе группы были А. Павлюкович, С. Граник и П. Подлужный) посетили Любешов и здание бывшего коллегиума. Украинцы сделали, что могли: обновили крышу, поместили памятные дощечки в честь Костюшко. Но здание нуждается в основательном ремонте, и помощь со стороны Польского правительства была бы знаковым шагом на пути более тесного сближения наших народов. Ведь Украина ныне борется с агрессором и отстаивает не только свою свободу.

Судьба последнего короля Речи Посполитой. Ее подробно осветил Александр Миленкевич в книге «Воўчынская гісторыя», 2004. Приведем некоторые выдержки из этой книги. Король умирал в Петербурге в возрасте 66 лет, через два года после детронизации. Акт отречения от престола подписал 25 ноября 1795 г. в Новом замке в Гродно, ровно через 30 лет после своего восшествия на престол. В этом замке его поселили после третьего раздела РП по личному распоряжению Екатерины. В Гродно король находился под наблюдением местной полиции и пережил трудности моральной изоляции. Вот как об этом пишет А. Миленкевич: «З аднаго боку, лёс быў вельмі прыязным для Станіслава Панятоўскага. Але за сваю карону і бліскучую кар'еру ён заплаціў спаўна: пастаянныя кампрамісы з сумленнем былі наступствам барацьбы з уласнымі памкненнямі і са знешнімі сіламі за інтэрэсы дзяржавы. Ён быў упеўнены, што толькі еўрапеізацыяй, мадэрнізацыяй, развіццём адукацыі і культуры можна ўратаваць сваю краіну. І менавіта гэтыя рэформы больш за ўсё непакоілі суседнія манархіі…». В начале 1797 г. после смерти Екатерины II ее сын Павел I предложил Станиславу Августу переехать из Гродно в Петербург и монаршим жестом отдал в его распоряжение Мраморный дворец. Понятовского снова стали величать королем, оказывая ему нужные знаки внимания. Указанный автор пишет: «Асоба караля ў якасьці пастаяннага госця пры царскім двары надавала апошняму бляск і падкрэслівала веліч імперыі. Без права наведаць радзіму, сустрэцца з блізкімі і сябрамі былы манарх пачуваўся высокароднай птушкай у залатой клетцы». Из этого унизительного положения его вызволила скоропостижная кон-

чина. Король умер 11 февраля 1798 г. от кровоизлияния в мозг. Поэтому можно с уверенностью говорить о непростой жизни этого монарха.

Иезуитский коллегиум в Пинске

Короля торжественно похоронили в крипте костела св. Екатерины в Петербурге. Эта крипта оказалась трижды затопленной во время наводнений. С приходом к власти большевиков все костелы Петербурга были закрыты, а настоятеля костела св. Екатенины К. Буткевича расстреляли, как «иностранного агента». Первая попытка вернуть прах Станислава Понятовского на Родину была предпринята в 1926 г. польским послом в Москве С. Кеньтшинским, но безуспешно из-за негативного отношения к этой акции Пилсудского. И только в 1938 г. прах короля был доставлен из Ленинграда и скромно перезахоронен в провинциальном костеле в Волчине на его малой родине. По поводу этой акции в польской прессе развернулась целая дискуссия, пишет А. Миленкевич. Мнение газет разделилось. Некоторые высказывались негативно об исторической роли Станислава Августа, ставя ему в вину чуть ли не все три разделы Польши. Так, например, газета «Kurier Poranny» («Ранний курьер») назвала его «предателем» и в порыве самообмана писала: «Народ – великий, король – никчемный».

Но если народом тогдашней РП заправляла шляхта, то ее никак нельзя признать «великой». Наиболее правдиво деятельность короля, на наш взгляд, представила газета «Ilustrowany Kurier Codzienny» («Иллюстрированный курьер»), призвав своих читателей к объективной оценке личности Понятовского: «Он был цивилизатором, трудолюбивым политиком и мог бы спасти Польшу, если бы не сами поляки». Согласимся с этим мнением газеты. История убеждает нас, что это, действительно, так.

Но печальный рок преследовал мертвого короля и на его малой родине, которая в 1939 г. стала частью Советского Союза. Новые атеистические власти сняли в костеле все иконы, выкинули исповедальни и скамейки и приступили к арестам и депортации в первую очередь поляков, а потом и белорусов. В апреле 1945 г. Волчин покидали оставшиеся католики. Местные власти предложили ксендзу Чишевичу забрать с собой и «своего короля», но он ответил, что не вправе решать такую «важную проблему». А зря. На четырех подводах он

Уникальный трехугольный униатский храм в д. Великая Своротва Барановичского района

увез в соседнюю деревню за Бугом, что в 9 км от Волчина, метрические книги и церковные принадлежности. Если бы он увез и гроб с прахом Понятовского, то спас бы его от разорения. С подробностями этой «Волчинской истории» заинтересованный читатель может познакомиться в книге А. Миленкевича. В заключение хочу лишь отметить, что только в 1987 г. польская общественность настояла на возвращении останков «многострадального короля» в Варшаву, где он присягал во время коронации в 1764 г. на верность Речи Посполитой обоих народов. В июне 1989 г. урна с прахом короля Станислава Августа Понятовского была торжественно помещена в крипте архикафедральной базилики св. Иоанна Крестителя.

«Так закончылася трагічная і сімвалічная гісторыя пасмяротных вандраванняў Станіслава Аўгуста, з Божай ласкі Караля Польскага, Вялікага Князя Літоўскага, Рускага, Прускага, Мазавецкага, Жамойцкага, Кіеўскага, Валынскага, Падольскага, Падляскага, Інфлянскага, Смаленскага, Сіверскага і Чарнігаўскага, лёс якога яскрава адлюстраваў драматычную гісторыю нашай Бацькаўшчыны». Таковы слова эпитафии, написанные на польском на саркофаге Станислава Августа Понятовского в костеле св. Иоанна в Варшаве. Последствия разделов Речи Посполитой. Они наиболее реалистично изложены в книге Анатолия Тараса «Анатомия ненависти». Эти последствия (я их привожу в сокращенном варианте) оказались огромным шагом назад в социально-психологическом, правовом и экономическом аспектах нашей исторической родины.

1. Россия представляла собой отсталую деспотическую державу с нищим и неграмотным народом. Если в РП действовали законодательные акты, например, Статут Великого княжества Литовского, то в России первая конституция появилась лишь в 1906 г. У бесправного народа оказался, выработанный веками, рабский менталитет. «Для российского самодержавия, – пишет А. Тарас, – даже аристократы, не говоря о представителях других сословий, всегда были только холопами. Да и сами дворяне осознавали себя таковыми, достаточно вспомнить их обычную подпись под реляциями царям – “всеподданнейший раб”»!

2. В РП большинство городов обладало самоуправлением на основе «Магдебургского права». Захватив Польшу и ВКЛ, русские немедленно устранили городские самоуправления, заменив их градоначальниками.

3. В ВКЛ, по данным А. Тараса, большинство населения (до 65%) относилось к числу униатов. Но правительство императора Николая I провело в 1839 г. акцию по насильственному обращению униатов в православных и стало ограничивать деятельность католической церкви. Смешанные браки между представителями разных конфессий также запрещались. Ранее мы писали о том, как униатских священников царские власти отправляли в ссылку, а на их место присылали попов из центральных губерний России.

4. Насильственная русификация коснулась, прежде всего, населения бывшего ВКЛ. Языком делопроизводства в государственных учреждениях (включая суды) стал русский язык, которым не владели ни белорусы, ни поляки, ни летувисы, не говоря уже о других народах, населяющих земли ВКЛ, которые официально стали именовать «исконно русскими».

5. Особенно бедственным после присоединения к России ВКЛ стало положение белорусских крестьян. По данным А. Тараса за период с 1772 по 1800 гг. Екатерина II и Павел I раздали русским помещикам, включая самого А. Суворова, главного палача белорусского и польского народов, 208.350 душ «мужеского пола». Вместе с женами и двумя-тремя детьми это более миллиона человек, т. е. четверть всех белорусов стали крепостными новых хозяев.

Царские власти ввели на захваченных землях ВКЛ рекрутчину, ранее неизвестную белорусам и которую народ считал худшим из бедствий, срвнимым только со смертью. Те немногие, кому чудом удавалось остаться живыми после 25 лет бесконечных походов и сражений, возвращались домой больными, бесправными людьми без кола и двора, отмечают А. Тарас и другие историки, изучавшие последствия разделов РП.

В течение восьми лет своего школьного возраста на разных ступенях учебы в польской школе я мог убедиться, что изучению истории польского государства или, как тогда оно именовалось, Речи Посполитой Польской, придавалось большое значение. Недавно освобожденная из-под владычества трех былых агрессоров – Австрии, Пруссии и России – новая Польша проходила стадию объединения трех разных по уровню культуры и экономического развития территорий. В своих предыдущих книгах «Записки западного белоруса» и др. я писал о том, какой отсталой в культурном отношении и экономически неразвитой оказалась та часть Польши, которая прежде находилась под владычеством России. Поэтому насильственное приседининие нашей исторической родины – ВКЛ к Российской империи стало, действительно, «огромным шагом назад в социально-психологическом, правовом и экономическом аспектах», как бы ни старались доказать обратное доморощенные русопеты.

Почтовая марка 350 лет Брестской унии

Эпилог. Современные российские и некоторые белорусские псевдоисторики не перестают утверждать, что Беларусь и Украина – это оторванные распадом СССР от России части «Единой русской нации». Хотя известно, что в этно-генетическом плане – это вовсе не «Единая нация». Но такой подход не может и не должен быть препятствием для добрососедских отношений новых государств. Другое дело, когда в шовинистических кругах московских политиков иногда звучат заявления о том, что объединение Беларуси и Украины с Рос-

сией является «стратегической целью государства» (имеется в виду воссоздание былой Российской империи). Нашему поколению известно, какой тяжкой неволей для простых людей обернулось вхождение Беларуси и Украины в состав России и какую трагедию им пришлось пережить после трансформации этой страны в Советскую империю, которую не без оснований американский президент Рейган называл «империей зла». Неужели история нас ничему не научила? Почему из нашей среды выползают новые «квислинговцы»? А Украина? Неужели она забудет про многовековую неволю и спланированный Москвой голодомор и снова полезет в российскую петлю? Будем надеяться, что этого не произойдет. И станем брать пример с наших прибалтийских соседей и Польши и учиться у них высокому уровню национального самосознания.

Научно-популярное издание

Данилов Иван Петрович

БРЕСТСКАЯ УНИЯ

Подписано в печать 22.10.2021. Формат 60 х 84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,65. Уч. изд. л. 3,48.
Тираж 40 экз. Заказ 35.